

Алишер ТАКСАНОВ

Гоблин
Марат

Алишер Таксанов

Гоблин Марат

«Автор»

2026

Таксанов А. А.

Гоблин Марат / А. А. Таксанов — «Автор», 2026

В мире, где волшебство и обычная действительность пересекаются, живёт гоблин Марат. Он вредный и злобный, любит пакостить людям и зверям, но чаще всего пакость оборачивается против него самого. К сожалению, он не делает выводы и продолжает вести свой гнусный образ жизни.

© Таксанов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гоблин Марат и мумия короля Хамунакра	5
Гробовой мир гоблина Марата	15
Как гоблин Марат свою монетку искал	18
Гоблин Марат и волк	21
День рождения гоблина Марата	24
Как гоблин Марат на метле летал	26
Часы для гоблина Марата	29
Гоблин Марат и дракон	32
Посылка для гоблина	36
Как гоблин Марат королем был	39
Магическое кольцо Марата	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алишер Таксанов

Гоблин Марат

Гоблин Марат и мумия короля Хамунакра

Жил-был на свете гоблин Марат – низкорослое существо с кривыми и волосатыми руками и ногами, будто их кто-то лепил в темноте на ощупь и в конце махнул рукой, решив, что и так сойдет. Его голова по форме и виду напоминала старую кастрюлю, пережившую не одно поколение щей и потому слегка вмятую, с подозрительными буграми и вечным налётом чего-то липкого. Большой нос, похожий на перезревший баклажан, торчал посередине лица, словно отдельное, самодовольное существо, живущее своей жизнью и первым сующееся туда, где плохо пахнет или можно чем-нибудь поживиться. Губы у Марата были толстыми, растянутыми, как у лягушки, и постоянно находились в движении: они то презрительно кривились, то жадно шевелились, пересчитывая воображаемые богатства, то выпускали наружу хамство, бурчание и бессмысленные оскорбления. Густые, сросшиеся почти в сплошную щетку брови нависали над его узкими глазами так плотно, что казалось – света туда не поступает вовсе, но даже сквозь эту тень каждый мог разглядеть блеск жадности, холодный, цепкий и неприятный, как отражение луны в луже с помоями.

Гоблин был жадным до болезненности, ворчливым по привычке и злопамятным по складу души, если таковую вообще можно было у него заподозрить. Он любил хамить, перебивать, язвить и говорить глупости с видом глубокой мудрости, поскольку его интеллект не особо выделялся развитием и многообразием знаний. Мысли у Марата ходили по кругу, как осёл вокруг мельницы, и каждый оборот был посвящён либо золоту, либо тому, кто ему что-то должен, либо воспоминаниям о старых обидах, которые он холил и лелеял, словно семейные реликвии. В школу Марат пропускал часто, а если и являлся туда, то исключительно для того, чтобы списать, поспать или стащить чужой завтрак. Учёба его не интересовала вовсе: буквы казались подозрительными, цифры – оскорбительными, а любые знания – бесполезными, если они не помогали быстро приумножить количество золотых монет в его тайниках. Гораздо охотнее он бездельничал, слонялся без дела, пересчитывал свои сбережения, перекладывая монетки из кучки в кучку, наслаждаясь их звоном и мысленно добавляя к ним те, что когда-нибудь, обязательно, станут его.

Никто толком не знал, откуда он взялся, кто были его родители и существовали ли они вообще, и есть ли у него дети или хотя бы дальние родственники. Ходили слухи, что гоблины рождаются в яйцах, покрытых слизью и грязью, и высасываются в каких-то мрачных инкубаторах глубоко под землёй, поэтому у них нет ни родителей, ни потомства, ни семейных уз – только серийный номер и врождённая жадность. Другие утверждали, что гоблины произрастают в земле, как растения: посадил семечко, полил чем-нибудь мерзким – и вскоре из почвы вылезает готовый гоблин, колючий, злобный и кривой, наподобие особо вредного кактуса. Были и такие, кто настаивал, что гоблины – это порождение злых колдунов, которые вечно путают слова в заклинаниях и вместо вечной молодости или золотых гор получают злобных, мелочных существ, превращённых из людей по недоразумению. А самые смелые фантазёры шептались, что гоблины – жители другой планеты, выброшенные на Землю космическим сквозняком, и потому такие несуразные, неприятные и плохо приспособленные к нормальной жизни. Как бы там ни было, у гоблинов имелась своя магия, особая, кривобокая и капризная, действующая исключительно на гоблинов. Стоило попытаться применить её против кого-то другого – чело-

века, эльфа или даже пня, – как всё немедленно оборачивалось конфузом, неловкостью или мелкой, но крайне унижительной неприятностью.

Сам Марат никому ничего не рассказывал о своей жизни, да и люди не особенно стремились к нему с расспросами. Потому что беседовать с гоблином было настоящей мукой: он перебивал на полуслове, цеплялся к каждому слову, перевирал сказанное, ворчал, язвил и мог извести любого собеседника до полного изнеможения и ступора. Через пять минут разговора хотелось либо закричать, либо убежать, либо сделать вид, что ты срочно оглох и ослеп одновременно. Неудивительно, что люди обходили стороной не только самого гоблина, но и его дом – перекошенную, тёмную халупу с облезлой крышей и окнами, похожими на мутные глаза, – что стоял на опушке, у дороги в город, словно специально поджидая зазевавшихся путников, чтобы испортить им настроение одним только своим существованием.

В город Марат ходил часто, хотя его туда никто не звал и, откровенно говоря, никто его там и не ждал. Но прогнать гоблина было нельзя – город считался свободной территорией для всех, кто не имел захватнических целей, а Марат, при всей своей отвратительности, поработать город или страну не собирался. Его амбиции были куда скромнее и неприятнее: он предпочитал безобразничать по мелочи, но с душой. То подставит подножку спешащему торговцу, то опрокинет лоток с яблоками, то начнёт громко и нарочито смеяться в лицо стражнику, проверяя, сколько терпения влезает в человеческую форму. Горожане вспыхивали быстро, и всколыхнуть их Марату удавалось с завидной регулярностью, за что он нередко получал тумачи: палки свистели в воздухе, сапоги летели в его сторону, а кулаки норовили найти кривую гоблинскую челюсть.

Впрочем, волшебство, свойственное только гоблинам, позволяло Марату сматываться с места наказания с поразительной быстротой, словно его подхватывал невидимый пиннок судьбы. Поэтому обычно он отделялся сущими пустяками: двумя ударами палки по спине, пинком под зад, метким плевком от особенно сердитой старушки или проклятием, брошенным ему вслед каким-нибудь ремесленником, которому гоблин, к примеру, исподтишка ломал инструменты или портил результаты долгого труда. Марат собирал эти проклятия, как кто-то собирает марки, и уходил, довольно хихикая, считая день удачным.

И вот однажды гоблин снова пришёл в город – шумный, пыльный, пахнувший хлебом, навозом и человеческим самодовольством. Улицы гудели, торговцы выкрикивали цены, дети бегали, сталкиваясь друг с другом, а каменные здания смотрели на прохожих равнодушно и устало. Среди всего этого Марат увидел большое здание с яркой надписью: «Мобильный музей древней истории и антропологии. Эпоха Хваштунов. Гробница короля Хамунакра». Само упоминание истории и антропологии не вызвало у него ни малейшего интереса – гоблину было глубоко наплевать на людей, живших когда-то и где-то. Но рядом висела другая вывеска, куда более важная: «Вход бесплатный». Именно эти два слова загорелись у него в голове, как магические руны.

Не раздумывая, Марат вошёл в здание, потопал по лестнице, оставляя на ступенях грязные следы, и поднялся на второй этаж, где располагалась экспозиция. Там было светло, прохладно и пахло пылью, камнем и чем-то мёртвым, аккуратно законсервированным для обозрения.

В зале стояла группа людей, которых сопровождала экскурсовод – высокая, сухошавая женщина с аккуратно собранными волосами, строгим лицом и указкой, сжатой в руке так, словно она могла в любой момент превратиться в оружие. Она рассказывала о древней эпохе ровным, выверенным голосом, стараясь вложить в каждое слово значимость тысячелетий. Для Марата этот рассказ был не просто скучен – он был оскорбителен своей ненужностью. Ему было глубоко наплевать на то, что происходило пять тысяч лет назад на Земле в какой-то стороне планеты: гоблинов эта история никак не касалась, а всё человечество он презирал скопом, без разбора и исключений.

Однако у одной экспозиции он всё же остановился. Перед ним стояли скелеты, явно принадлежавшие людям. Под каждым висела табличка с рисунком и пояснением: «Неандерталец», «Петикантроп», «Пезижантроп», «Дриопитек», «Рамапитек», «Парапитек». Марат прищурился, повертел головой, и даже его скромного ума хватило, чтобы уловить смысл. Он приснул, а затем разразился смехом.

– Ха-ха-ха, предками человека были маргышки, ха-ха-ха! Тогда не удивительно, почему люди такие... Только где ваши хвосты, обезьяны, ха-ха-ха?

Посетители с осуждением и недоумением уставились на внезапно развеселившегося гоблина, а экскурсовод, нервно сжимая указку, нахмурилась и сказала:

– Такова эволюция человека, и это естественный ход развития. С обезьянами мы имеем общего предка, однако отличаемся. Например, разница между хомо сапиенсом и шимпанзе составляет два процента. Вроде бы немного – но какая пропасть в развитии! У нас – техногенная цивилизация, у обезьяны – дикий образ жизни и низкий интеллект!

– Всё равно вы – обезьяны! – продолжал веселиться Марат, от смеха даже присевший на пол. – Бананожральщики, ха-ха-ха! У вас просто отвалился хвост, а так вы те же орангутанги и гориллы, ха-ха-ха!

Его смех был ужасен: хриплый, визгливый, с булькающими нотками, будто внутри него плескалась болотная жижа. Он резал слух, заставлял морщиться и вызывал почти физическое отвращение, словно кто-то скреб ржавым железом по стеклу.

Тогда разъярённая экскурсовод сделала шаг вперёд и сказала, чеканя каждое слово:

– Хорошо, гоблин, сделаем так. Мы возьмём образец вашей ткани для генетического анализа и узнаем, насколько мы родственны. Буду рада убедиться, что между нами не так уж много сходства и что обезьяны к вам куда ближе, чем мы.

Тут Марат замолчал, насторожившись. Его перекошенное лицо вдруг вытянулось, будто кто-то невидимый дернул его за кожу, глаза беспокойно забегали под нависающими бровями, а во взгляде появилось нечто похожее на тревогу и даже тень печали. Он совершенно не испугался того, что может оказаться ближе к приматам, – это его нисколько не задевало, – но фраза «возьмем образец вашей ткани» прозвучала для него как приговор. Марат не имел ни малейшего представления о генетике и биомедицинских исследованиях, однако его воображение тут же нарисовало острые ножи, иглы и столы, залитые кровью, и он твёрдо решил, что сейчас будет больно, очень больно.

Он схватился за бока, словно пытаясь удержать внутренности на месте, и заверещал, мотая головой так, что брови у него заходили ходуном:

– Ой, не надо! Я боюсь боли! Меня тошнит...

Экскурсовод удивлённо приподняла брови и сказала с явным недоумением:

– Мы не собираемся резать вас. Нам нужно всего лишь то, что можно использовать для изучения ДНК...

– Чего?! – вопил гоблин, ничего не понимая и отступая на шаг, словно от ямы.

Женщина не выдержала и рывкнула:

– Короче, дайте ваш волос!

Это неожиданно подействовало на Марата успокаивающе. Он тут же перестал верещать, выпрямился, встал в важную позу, скрестив и без того кривые и короткие ноги, и, прищурился, с подозрительным достоинством спросил:

– Волос? Этого будет достаточно?

– Да! – рывкнула разозлённая экскурсовод и сделала знак другой женщине, стоявшей неподалёку.

Та была в белом лабораторном халате, аккуратная, собранная, с холодным профессиональным взглядом и губами, сжатыми в тонкую линию, как у человека, давно привыкшего иметь дело с неприятными образцами и ещё более неприятными существами.

Хмыкнув, Марат задрал нос ещё выше, словно демонстрируя величие своего гоблинского происхождения, и демонстративно выдернул из ноздри две волосинки. Выдернул он их с влажным, липким звуком, вместе с высохшими соплями, которые тянулись нитями и некрасиво поблёскивали. Зажав добычу между пальцами, он протянул их лаборантке с видом благодетеля, делающего великодушный дар. Та, поморщившись и не скрывая отвращения, взяла волоски щипчиками, словно это были ядовитые насекомые, аккуратно поместила их в специальный прибор и принялась за исследование.

Пока лаборантка проводила анализ, экскурсовод попыталась вернуться к своим обязанностям и продолжила рассказ о жизни людей в эпоху короля Хамунакра, о рабовладельческом строе и гигантских сооружениях, возводимых в честь властителя. Однако слушали её рассеянно: посетители всё чаще поглядывали в сторону лабораторного столика, переминались с ноги на ногу и понемногу стягивались ближе, терзаемые любопытством – что же покажут результаты? Да и сама экскурсовод заметно сбивалась, путая факты и допуская откровенные ошибки. Она, к примеру, заявила, что у Хамунакра было семь жён, хотя на самом деле их было семнадцать, сказала, что его убил сын, хотя это сделала дочь Гелия, и уверенно сообщила, будто он завоевал Бактерию, хотя до Бактерии он не дошёл вовсе, поскольку его армию разгромили ещё в Кушанате. Всё это ясно показывало: даже строгая экскурсоводша сейчас думала вовсе не о древней истории, а о гоблинах и о том, кем же они окажутся на самом деле.

Спустя полчаса лаборантка вышла из кабинета, и выражение её лица было таким, будто она одновременно увидела невозможное, оскорбительное для науки и лично для неё. Брови её были сдвинуты, взгляд метался, губы подрагивали, словно она пыталась подобрать слова, которых в приличном научном языке попросту не существовало. Вся её фигура излучала недоумение и растерянность человека, у которого только что рассыпалась стройная картина мира. Она с трудом выдавила из себя путь сквозь плотное кольцо людей, и даже самому Марату пришлось проталкиваться вперёд, бесцеремонно работая локтями и ворча под нос.

– Это невообразимо...

– Так что? – нетерпеливо уточнила экскурсовод, едва сдерживая раздражение.

– Гоблины вообще не имеют человеческой ДНК!

Марат не имел ни малейшего представления, что такое ДНК, но до его ума дошло главное: он не человек. Это открытие моментально его обрадовало, и он самодовольно ослабил:

– Ещё бы! Мы выше, чем люди!

Лаборантка осуждающе посмотрела на него, словно на особо неприятный, но всё же ценный лабораторный образец, и, не вступая в спор, продолжила:

– Гоблины не относятся к приматам, то есть они не из древа человекообразных. Орки, вампиры, леприконы, гномы, эльфы и даже тролли генетически схожи с нами. Разница колеблется от десяти до двадцати трёх процентов. Но вот гоблины... это совсем иная ветвь эволюции.

– А к кому они ближе? – раздалось из толпы.

– Не поверите, им ближе лягушки, – сказала лаборантка. – Там смесь генов лягушек, комаров, есть гены растений, скорее всего кактусов... Я не понимаю, как это возможно. Природа словно всё перепутала и свалила в одну кучу.

Посетители загалдели. В зале поднялся тревожный, суетливый шум: кто-то испуганно пятился, кто-то тыкал пальцем в Марата, кто-то шептался, словно опасаясь, что гоблин их услышит. Лица выражали отвращение, страх и брезгливое любопытство. А сам Марат, гордо задрав нос почти к потолку, важно зашагал в сторону соседнего помещения, где стояли другие экспонаты эпохи короля Хамунакра. Осознание родства с лягушками его не только не смутило, но и порадовало: по его мнению, уж лучше иметь корни с этими скользкими земноводными, чем с презираемыми им людьми.

За ним никто не последовал. Все продолжали спорить, строить догадки и решать, откуда вообще мог взяться род гоблинов и стоит ли иметь с ними хоть какое-то дело.

– Гоблины жрут жаб и лягушек, получается, что они каннибалы? – рассуждал кто-то из посетителей.

– Они всегда селятся возле болот и вонючих водоёмов. Может, они вообще рождаются головастиками? Из икры?

– Наверное, часть икринок становятся обычными лягушками, а часть – гоблинами, – подхватил другой.

Спор разгорался всё сильнее. Перекрикивались экскурсовод и лаборантка, последняя тыкала пальцем в результаты анализов генома Марата, что-то не сходилось в их теориях, гипотезы трещали, и шум в зале стоял оглушительный.

А тем временем Марат неторопливо прохаживался среди экспонатов и остановился у массивного саркофага, инкрустированного хрусталём. Прозрачные вставки сверкали холодным светом, отражая лампы, и создавали впечатление застывшей роскоши. Внутри покоилась мумия – высохшее, стянутое временем тело, обмотанное истлевшей за века тканью, с впалыми глазницами и мёртвым, но всё ещё величественным обликом. Лишь стеклянная крышка отделяла её от внешнего мира. Судя по табличке, это были останки великого короля Хамунакра, найденные в гробнице Западного Дворца в пустыне Сахара.

Но внимание Марата привлекло вовсе не тело, пережившее тысячелетия, а корона на голове мумии. Золотая, тяжёлая, усыпанная крупными изумрудами и рубинами, она сияла так, что у гоблина перехватило дыхание. Камни были огранены грубо, по-древнему, но от этого казались ещё ценнее, а сам металл выглядел плотным и массивным – не меньше пяти килограммов чистого золота. В этот миг в гоблине вспыхнуло знакомое, горячее желание завладеть этой штуковиной, и все его мысли мгновенно свернулись вокруг короны, так что, казалось, из ушей вот-вот пойдёт дым. Марат всегда думал о богатстве, деньгах и золоте, и ничто другое в этой жизни его никогда не интересовало.

Оглядевшись и убедившись, что зал пуст, что ни один человек не торчит за углом и ни одна камера не уставилась на него стеклянным глазом, гоблин подкрался к саркофагу. Сердце его колотилось от жадного возбуждения, а руки слегка подрагивали. Он замахнулся и с силой ударил кулаком по стеклу. Удар вышел такой, что по залу разнёсся глухой, хищный звук, а в самом кулаке что-то хрустнуло, словно сухие ветки под сапогом. Кости отозвались резкой болью, пальцы онемели, и Марат едва не взвыл, сдержав крик только усилием воли. Стекло же осталось целым, лишь презрительно отразив свет ламп. Оно оказалось прочнее стали – древние мастера позаботились о том, чтобы никакой грабитель не добрался до царских сокровищ.

Стиснув зубы и потряхивая ноющей рукой, Марат злобно зашипел и решил прибегнуть к своей магии. Он прошептал корявое гоблинское заклинание, состоявшее из хриплых, щёлкающих звуков, будто кто-то ругался с жабой на болотном диалекте, и вытянул руки вперёд, направляя энергию в саркофаг. Воздух вокруг задрожал, запахло сыростью и гнилью.

Яркая зелёная молния сорвалась с его ладоней и ударила в стекло. На этот раз защита не выдержала: поверхность саркофага пошла волнами, вспучилась и начала плавиться, стекая густыми, вязкими каплями на пол. Расплавленное стекло прожигало ковёр, оставляя дымящиеся дыры, а в воздух поднялся едкий зелёный дымок, щекочущий нос и горло.

Обрадованный Марат уже потянулся к короне, как вдруг мумия внутри дёрнулась и начала приподниматься. Костлявая рука, сухая и холодная, словно высушенный корень, внезапно схватила ладонь гоблина. Марат подпрыгнул от неожиданности, завизжал и едва не рухнул на спину. Заклинание сработало не только на стекло – оно оживило и того, кто лежал внутри саркофага.

Король Хамунакра расправил плечи, его тело зашуршало древними бинтами, и он медленно сел. Глаза его раскрылись под тканью и засверкали мутным, злобным светом, словно

два уголька, тлеющих под слоем пепла. Взгляд, невидимый, но ощущаемый кожей, сверлил пространство, заставляя воздух становиться тяжёлым и холодным. Кисть Марата он продолжал сжимать мёртвой хваткой, не разжимая пальцев, будто гоблин был всего лишь пойманной добычей.

Наконец, король обратил своё внимание на самого Марата, и сквозь ткань вырвались рычащие, искажённые временем звуки:

– А-а-а... лягушка! Предатель! Вор! Мерзавец!

– Отпусти меня, мертвец! Что тебе надо?! – завопил Марат, искренне не понимая, в чём его обвиняют. Мародёрство среди гоблинов считалось делом вполне почтенным и даже достойным уважения: кто лучше стащит – тот и молодец, а уж мёртвые и вовсе не нуждались в своих вещах. Он дёргал руку, извивался, но мумия только сильнее сжимала хватку.

– Лягушка! Ты захотел ограбить своего Создателя? Неблагодарные вы твари, гоблины! Но ничего... я с вами рассчитаюсь!..

– Какой ещё там создатель, ты, тряпка с навозом! – сердито рявкнул Марат и щёлкнул пальцами правой руки.

Заклинание ударило в мумию яркой вспышкой, но, столкнувшись с её телом, отскочило, словно от каменной стены, не причинив никакого вреда. Зато магия рикошетом разошлась по залу: зашевелились скелеты рамапитеков и неандертальцев. Их кости заскрипели, бёдра и рёбра задёргались, черепа покачнулись, будто в такт невидимой музыке. Они подпрыгивали и тряслись, но не могли сойти с места, пригвождённые штырями к тяжёлым металлическим подставкам. Со стороны это выглядело так, словно древние предки человечества внезапно пустились в странный, жуткий танец.

– Твоя магия бессильна против меня! – захохотал оживший король Хамунакра. – Вы, лягушки, посмели бунтовать против меня! Но ничего, я вас всех изведу!

– Да я тебя, тряпка, впервые вижу! – с недоумением выпалил Марат, лихорадочно соображая, какое заклинание использовать, чтобы поскорее смыться отсюда. О короне он уже и не думал – сейчас ему было важнее сохранить собственную шкуру целой и не оказаться очередным музейным экспонатом. – Ты вообще кто такой?

– Ага, так ты и не знаешь историю гоблинского рода? – с негодованием произнёс король и с силой стукнул свободной рукой по саркофагу, отчего тот гулко отозвался. – Так знай же, жаба неблагодарная, что это я, великий король Западного Царства Сепсеронии Хамунакра, создал вас, гоблинов.

Марат в ответ пукнул – коротко, зло и с выражением. Однако его кишечный газ несколько не смутил мумию, которая продолжила говорить, словно ничего не произошло:

– Мне нужны были воины для захвата новых земель и покорения других царств и королевств. А люди оказались плохими бойцами: неверными, хитрыми, склонными к бегству с поля брани. К тому же болезни и войны почти полностью истребили их. Я остался без подданных и без армии. Из-за этого я проиграл битву при Кушанате четыре тысячи лет назад. Я был в ярости, искал выход и однажды, прогуливаясь у болота, увидел лягушек, пожиривших комаров. И тогда мне пришла мысль сделать из них воинов. Я произнёс заклинание, и лягушки, комары и болотные растения слились в новые тела. Так появились гоблины. И с ними я вновь пошёл войной на Кушанат.

– Ну остался бы там... отпусти меня, тряп... Хамунакра, – проворчал Марат, не теряя надежды вырваться. Он дёргал руку, но левая кисть была сжата так, словно её заковали в железные кандалы: холодные пальцы мумии впились в плоть, сдавливали кости, и боль от этого захвата была тупой, тяжёлой, изматывающей. Король и не думал отпускать воришку, продолжая рассказ с явным удовольствием, то ли наслаждаясь воспоминаниями, то ли вновь закипая от старой ярости.

– Гоблины были скверными воинами: ленивыми, туповатыми, – но зато злобными, сердитыми и жестокими, когда дело доходило до грабежа, поджогов и плена. Мне приходилось кормить их жабами и змеями, чтобы заставить воевать, иначе они предпочитали сидеть у воды, квакать и прыгать друг перед другом. Но однажды, обходя армию перед походом на Бактерию, я споткнулся и упал. Моя корона слетела с головы и шмякнулась на башку гоблина-генерала. И тут моя магия сработала сама, без моего желания. Она дала этому ничтожеству способность мыслить. Примитивно, но мыслить и принимать решения. Его первое решение было предательским. Он возомнил себя королём и приказал гоблинам атаковать меня.

Марат застыл. Его уши приподнялись, дыхание стало ровнее, а на лице появилось странное, почти мечтательное выражение. История неожиданно задела его за живое: мысль о гоблине-генерале, получившем власть и ум благодаря короне, показалась ему чертовски привлекательной.

– Я сопротивлялся, – продолжал Хамунакра. – Моим мечом я сразил сотню гоблинов... нет, две сотни... а может, и три. Но их было слишком много. К тому же корона передала им часть моей магии, сделав сильнее и коварнее. Они связали меня и бросили в темницу. А тем временем генерал стал ухаживать за моей дочерью Гелией, предлагая ей стать его женой. Он хотел королевской власти. И моя дочь – о, глупое создание! – согласилась.

Почему-то именно здесь Марату история начала нравиться всё больше и больше. Его губы растянулись в довольной ухмылке, а в голове замелькали образы: гоблин на троне, корона, страх подданных и мешки золота у ног.

– Но для этого нужно было избавиться от меня, – глухо продолжал король. – Пока я жив, я – законный монарх Западного Царства Сепсеронии. И ночью они вдвоём спустились в темницу и при помощи короны превратили меня в мумию. Об этом узнал мой сын. Он проследил за ними и вошёл следом. Там завязалась схватка. Генерал был ранен и прыжками убежал к болотам. Гелия бросилась за ним. Мой сын поднял корону и водрузил её на меня. Но он не был искусным магом и не смог вернуть мне прежний облик. С тех пор я был заживо заключён в саркофаге.

– Знаешь, мумией ты выглядишь, наверное, лучше, чем при жизни, – с ехидством произнёс Марат и сам удивился тому, что из его рта выскочило не просто хамство, а вполне осмысленный сарказм. Ему даже на миг показалось, будто он стал умнее, чем был минуту назад, и это открытие слегка его насторожило. – Лежал бы дальше в этом древнем гробу, шевелил бы пятками, сморкался...

– Гоблин, не смей оскорблять своего Создателя! – сердито взревел Хамунакра. – Склони колени передо мной, лягушка! И дрожи всем телом, ибо я твой король! А ты – мой раб!

Марат недовольно проворчал:

– Как я склоню, когда ты меня так крепко держишь... Отпусти – и я поклонюсь до земли, – сказал он, хитро прищурившись.

На самом деле он лихорадочно соображал, как бы поскорее смыться из этого здания и подальше от мумии, которую он сам же по собственной глупости и оживил. Мысль позвать на помощь посетителей и экскурсовода мелькнула, но тут же была отброшена: люди, конечно, вмешаются, а потом поймут, что гоблин пытался ограбить музей, и тогда уже не избежать стражи, допросов и неприятных разговоров. Нет, такой помощи ему было не нужно.

Но Хамунакра оказался не так прост. Он мгновенно раскусил замысел Марата и рассмеялся сухим, скрипучим смехом, от которого по залу пробежал холодок:

– Как бы не так, лягушка! Меня уже обманывали гоблины раньше, и второй раз я не клоню на эту удочку. Сделаем иначе: я дам тебе свободу, а ты произнесёшь заклинание, которое вернёт мне прежний облик.

И тут Марат понял, что ему предлагают сделку. Причём такую, в которой он неожиданно оказался в более выгодном положении: король, как ни крути, был мумией, застрявшей в сарко-

фаге, а гоблин – живым и способным в любой момент сбежать. Это осознание приятно согрело душу Марата. Он хмыкнул и протянул:

– Не-е-а-а... этого мало.

– А чего же ты хочешь? – вроде бы удивился Хамунакра. – Что может быть ценнее свободы?

Для гоблинов такие слова, как свобода, любовь, отвага или патриотизм, не имели никакой ценности и даже звучали подозрительно. Их интересовали лишь материальные вещи: деньги, драгоценности, блеск металла и холодная тяжесть золота в руках. Причём сами гоблины редко задумывались, зачем им всё это нужно; их влекла непреодолимая, почти болезненная тяга к богатству. И чем больше – тем лучше. Возможно, в этом была вина короны, которая когда-то дала гоблинам зачатки мышления и вместе с ними – это уродливое, передаваемое по наследству увлечение.

– Как что? Золотых динаров и серебряных талеров, – пояснил Марат с искренним недоумением, как будто речь шла о самых очевидных вещах на свете.

Конечно, Хамунакра прекрасно знал, о чём идёт речь, и потому спокойно ответил:

– Ладно, лягушка, получишь награду. Под моим дворцом хранятся огромные запасы золота и серебра, драгоценных камней, тканей и изделий – всего того, что я награбил в завоевательных походах четыре тысячи лет назад.

– Мне нужно три... нет, четыре килограмма золота! И десять килограммов серебра. И... сто штук рубинов и двести изумрудов, – тут же стал перечислять Марат, разогнавшись и даже не моргнув.

С точки зрения Хамунакра, гоблин просил сущие пустяки. Король ценил свою жизнь несоизмеримо выше любых сокровищ, какими бы огромными ни были его кладовые.

– Ладно, получишь!

Удовлетворённый ответом, Марат настороженно спросил:

– Хорошо... какое заклинание мне произнести?

– Заклинание ка-у-эр-превращения, ранг бета-шестой, уровень тринадцатый из Священной Книги трансформаций! – торжественно произнёс Хамунакра.

Марат озадаченно почесал свободной рукой за ухом, поскреб там долго и с усилием, словно надеялся нащупать в черепе спрятанные знания. Лицо его вытянулось, брови сошлись, а глаза забегали. Ничего подобного он не знал и никогда о таком не слышал, о чём и сообщил мумии без всякого стыда.

Та была поражена.

– Как это – не учил?! – взревел король. – Чем ты вообще занимался в школе, болван?!

– Спал, – честно признался гоблин. – Мне было скучно. А потом я однажды спалил школу, и меня больше туда не пускали.

– Дурак! – взревела мумия.

Король был одновременно изумлён и рассержен: древняя ярость смешалась с отчаянием, бинты на его теле зашуршали, а пальцы на мгновение сжались сильнее, будто он хотел раздавить гоблина прямо сейчас. Но от своих намерений Хамунакра не отказался – кроме Марата, помочь ему было некому.

– Ладно, – процедил он, немного поостыв. – Повторяй за мной и сделай магический жест рукой.

Марат начал повторять слова за мумией, коверкал слоги, глотал окончания, путался, но старательно выговаривал всё, что слышал. Затем он сжал и разжал кулак, щёлкнул пальцами – и в ту же секунду раздался резкий хлопок, будто в зале лопнул гигантский пузырь.

Хамунакра исчез.

На его месте стояла изящная хрустальная ваза, прозрачная, с витиеватыми узорами и тонким горлышком, сверкающая в музейном свете.

– Ты что наделал, идиот?! – заорала ваза неожиданно нежным и мелодичным голосом. – А ну-ка превращай меня обратно в человека!

Марат уже рванул было бежать, но обнаружил, что его левая рука намертво впаяна в хрусталь, словно стала частью вазы. Он дёрнулся – без толку. Холодный, гладкий материал держал крепко.

Пришлось снова бормотать заклинание.

На этот раз вспышка была ослепительной, воздух загудел, а саркофаг затрещал. Хамунакра вновь преобразился – но совсем не так, как ожидал. Он превратился в тираннозавра-рекса, чудовищного монстра доисторической эпохи. Ящер был огромен: массивная голова с пастью, утыканной кинжалообразными зубами, короткие, но мощные лапы, гигантский хвост, сбивающий экспонаты одним движением. Он с трудом уместился в зале, выламывая края саркофага.

Динозавр вылез наружу и зарычал так, что задрожали стены:

– Я тебя сейчас сожру, гоблин!

Марат пукнул от ужаса и завопил, дрожа всем телом:

– Я же всё сделал, как вы велели, Повелитель! Я не виноват!

Тираннозавр в бешенстве крутился на месте, рыча и хлеща хвостом по воздуху. Его массивная голова металась из стороны в сторону, пасть раскрывалась, обнажая ряды желтоватых, как старые кинжалы, зубов, а горячее дыхание с запахом древней плоти и гнильцы наполняло зал. Когти скрежетали по каменному полу, саркофаг трещал под ударами, а экспонаты жалобно звенели и падали, не выдерживая ярости ожившего чудовища. К счастью, в этот зал никто не заглянул, иначе скандала было бы не избежать, да и сам Хамунакра не желал, чтобы кто-то видел его в таком позорном облике. Он и так пролежал сорок веков мумией, униженный, обмотанный тряпьем и выставленный на всеобщее обозрение. Желание пропустить Марата через собственные челюсти бурлило в нём, как кипящая смола, и подавить его удалось не сразу, но всё же король справился с яростью, тяжело выдыхая и постепенно успокаиваясь.

– Повторяй снова, – прорычал Хамунакра, наклоняясь к гоблину. – И если на этот раз напортачишь, я тебя обязательно сожру, лягушка!

Дрожа всем телом, Марат снова начал бормотать заклинание. Язык у него заплетался, голос срывался, а в одном месте он всё-таки перепутал слоги. Вспышка была короче, тише – и вместо гигантского ящера на полу запрыгала небольшая жаба. Толстая, скользкая, с выпученными глазами и злобным выражением морды. Хамунакра больше не мог говорить – он лишь яростно квакал, подпрыгивал и бил лапками по полу, выражая своё королевское негодование самым унижительным образом.

Марат облегчённо выдохнул. Опасность миновала. В таком виде король уже не представлял никакой угрозы. Гоблин спокойно поднял с пола корону, ту самую, тяжёлую, золотую, усыпанную изумрудами и рубинами, сунул её за кафтан и уже собирался уйти, как раздражённое кваканье заставило его остановиться.

– Ах да, – хлопнул он себя по лбу. – Чуть не забыл.

Он наклонился, схватил жабу и без лишних раздумий проглотил её. Скользко, прохладно, но удивительно вкусно. Хамунакра оказался нежным, с болотным привкусом, и Марат даже подумал, что если бы к нему подали комариный соус да хлеб из камышей, блюдо вышло бы вполне завершённым – настоящий «фрешброт».

После этого гоблин неспешно зашагал по музею к выходу, не обращая внимания на галдевших в соседнем зале посетителей, которые всё ещё рассматривали генетические данные Марата, спорили, строили гипотезы и пугали друг друга догадками. Никто не заметил ни короны под кафтаном, ни странного блеска в гоблинских глазах.

Марат теперь знал, откуда он появился, и это знание его вполне устраивало. Он был рад, что поставил точку в этой древней и неприятной истории. В музеи же он больше никогда не ходил – кто знает, какая ещё омерзительная правда могла всплыть о его роде или, чего доброго,

о нём самом. Так закончилась эта сказка: без морали, но с золотом, а для гоблина ничего важнее в мире и не существовало.

(8 января 2018 года, Элгг)

Гробовой мир гоблина Марата

Пошел как-то гоблин Марат в город погулять, ну, естественно, и побезобразничать. Он всегда совмещал эти дела, и получал от этого особое, почти гурманское удовольствие: шел не спеша, загребая кривыми ногами пыль, посвистывал сквозь гнилые зубы, шурился на витрины и заранее представлял, как у кого-нибудь что-нибудь сломается, разобьется или пойдет наперекосяк именно из-за него. В такие моменты у Марата внутри приятно урчало, словно коту, которому позволили опрокинуть цветочный горшок со стола.

Однако горожане увидели издали, кто прет к ним в гости, и стали в панике закрывать свои лавки, дома, цеха и ларьки, задвигать засовы, вешать амбарные замки и даже подпирать двери бочками, чтобы Марат не вошел и не натворил бед, от которых потом одни слезы, денежные затраты, физические муки и психологическая травма. Уж больно знаменит был этот сказочный персонаж своими непотребными поступками: где он проходил – там трескались полы, кисло скисало молоко и необъяснимо пропадали мелкие, но очень нужные вещи.

Вот ходит гоблин по улицам, толкает двери и ворота – заперто всё, никто не хочет впускать к себе злое и коварное существо. Всем памятно его проказы. Например, однажды он подменил в булочной мешок с мукой мешком с чесночным порошком – хлеб потом ел весь квартал со слезами и проклятиями. А в другой раз Марат умудрился перепутать указатели на городской площади, и свадебная процессия ушла напрямиком на свалку, где и закончила торжество среди ворон и ржавых ведер.

– Ах, чтоб вас расквасило! – злится Марат, плюется, пинается о стены, но только ушибает палец. Люди его игнорируют, сидят по домам, даже в щелочки не подглядывают.

И тут он увидел открытую дверь – скромную, но заманчиво распахнутую, с колокольчиком, который тихо позвякивал от сквозняка, будто сам приглашал войти. Это был магазин «Волшебная мебель», хозяин которого не знал о прибытии в город гоблина и, само собой разумеется, не защитился. Вломился туда Марат, тяжело дыша и сопя, и запыхтел:

– Ага! Вот и я! Что у вас тут продают?

Продавцы позеленели от злости и ужаса, но выпроводить гоблина не могут – ноги словно к полу приросли. Подскочил хозяин: сухонький мужчина с аккуратной бородкой, в жилетке и с дрожащими руками. Лоб у него мгновенно покрылся испариной, глаза бегают, но он изо всех сил старается держаться прилично.

– Чего хотите? – спрашивает он, хотя по виду видно, что больше всего на свете хотел бы, чтобы этот вопрос прозвучал где-нибудь за дверью.

– Мебель себе смотрю, – заявил Марат. Это было враньем. Не хотел он мебели, просто повод появился набедокурить в этом помещении: опрокинуть шкаф, испачкать диван, сломать ножку у стола и послушать, как у хозяина дергается глаз.

Хозяин, состроив кислую физиономию, всё же поинтересовался:

– А что именно хотите?

– Спать люблю, – пояснил Марат. – Кровати есть?

– Конечно! – поспешно кивнул хозяин. – У нас волшебные кровати и магические кресла, и диваны...

Марат хмыкнул:

– Так-так... И что именно?

– Вот кровать, – подвел хозяин магазина Марата к одной кровати с большими, пухлыми подушками и мягким, словно облако, матрасом. Резное изголовье поблескивало, ткань была чистая и теплая на вид. – Если лечь на нее, то приснятся хорошие сны.

Гоблин скривился:

– Да? Не врете?

– Я не вру! – оскорбился хозяин. – Можете испытать!

Прохрюкав что-то под нос, Марат прыгнул на кровать прямо в грязной одежде и не менее грязной обуви, от чего продавцы дружно поморщились. Он развалился, раскинув руки, закрыл глаза и... чудо – точно, видит он прекрасные сны: синее море лениво плещется у берега, остров с одинокой пальмой греется под ярким солнцем, по небу плывут белые облака, а птицы кричат так радостно, будто мир идеален. Ветер теплый, спокойный, и даже самому злобному гоблину становится странно уютно.

Но Марат не любил такое. Не яркие краски хотел видеть в своих снах, а нечто мрачное, злое, тревожное – с туманами, развалинами и чьими-нибудь испорченными планами. Он открыл глаза, фыркнул и сказал:

– Ерунда!

– Тогда вот это, – и немного обиженный таким заявлением хозяин ткнул пальцем на диван.

Диван был широкий, обитый темно-синей тканью с серебряной нитью, которая поблескивала при свете ламп, словно звёздная пыль. Подлокотники плавно изгибались, ножки были тонкие, металлические, холодные на вид, а сиденье – упругое, обещающее удобство и покой. От него веяло чем-то современным, почти чуждым этому старому городу.

Хмыкнув, Марат уселся на диван, утонул в нем, прикрыл ладонями свои маленькие глазки и...

Видит он странный мир. По ровным улицам без лошадей носятся блестящие машины, издавая ровный гул. Ввысь тянутся небоскрёбы – стеклянные, сияющие, словно ледяные горы, а внутри них бесшумно скользят лифты, поднимая людей к самым облакам. По воде шагают металлические роботы, разрезая волны тяжёлыми ногами, в небе гудят самолёты, а выше – ракеты пронзают атмосферу огненными хвостами. В этом мире всё подчинено расчету, схемам и чертежам, кнопкам и рычагам. Люди здесь мечтают не о заклинаниях, а о формулах, не о чарах, а о механизмах, покоряя природу сталью, проводами и дерзкими инженерными решениями.

Марат сморщился, словно укусил лимон, и сплюнул на пол.

– Туфта это! Совсем не то! Плохая у вас мебель!

Тогда хозяин осторожно спросил:

– А что вы хотите? Что вам нравится?

Гоблин важно выпятил грудь:

– Мрачный мир... страх... темнота... вой шакала... шипение змей... Это близко моему сердцу, об этом мои мечты...

И он расхохотался так злобно, что из его рта повалила такая вонь, будто там годами гнили объедки. Все в магазине поспешно надели маски и зажали носы.

Озадаченный хозяин почесал затылок, подумал и наконец выдавил:

– Ну что же... Есть такое... Правда, не мой профиль, но такую мебель сейчас вам доставят. Подождете?

– Подожду! – равнодушно буркнул Марат, разглядывая потолок и ковыряя грязным ногтем обивку.

Хозяин исчез за ширмой, стал куда-то звонить, шептаться, вздыхать. Спустя полчаса в магазин внесли мебель из свежего дерева – доски еще пахли смолой, лак блестел влажно, словно не успел высохнуть. Марат посмотрел на это с недоумением, и хозяин пояснил:

– Это мебель от мастера гробовых дел. Живет он на другом конце города. Волшебный гроб, естественно. В нём снится только то, что вы хотите.

Марату это понравилось. Он довольно оскалился и пожелал испытать эту «кровать». Хозяин не стал возражать.

Гоблин улегся на дно гроба, вытянулся, сложил лапы на груди и приказал закрыть крышку. Продавцы сделали это с большим удовольствием: крышку захлопнули, а затем забили большими гвоздями – тяжелыми, ржавыми, каждый удар молотка отдавался глухим эхом, словно точка в чьей-то судьбе.

– Это вам бесплатно, – добавил хозяин. – Подарок.

Марат внутри довольно хмыкнул: платить он не любил и всегда жалел тратить деньги.

И вот лежит он в гробу и видит страшные сны. Могильные черви копошатся в трупах, жадно пожирая плоть. Луна багровым светом заливает кладбище, где между перекошенных крестов бродят зомби и вампиры, шурша гнилыми одеждами. Сова ухает из черного дупла, жабы квакают в холодной жиже, крысы скрежещут зубами, гложя старые кости. Воздух пропитан вонью гниющей плоти, тухлой листвы и болотного смрада, от которого сводит дыхание.

Для Марата это были прекрасные грёзы.

Пока он сладко спал, горожане тихо вынесли гроб из города, не сказав ни слова, и закинули его в глубокий овраг, где редко кто бывал и еще реже возвращался.

И остался Марат там. Мир, который создавал для него волшебный гроб, полностью его устраивал. Ни города, ни людей, ни лавок он больше не желал.

А в том городе с тех пор стало тише и спокойнее, и если кто-то спрашивал, куда делся гоблин Марат, старики лишь пожимали плечами и говорили:

– Каждый находит себе мебель по вкусу.

(3 февраля 2017 года, Элгт)

Как гоблин Марат свою монетку искал

У гоблина по имени Марат имелся огромный железный сейф – высокий, угловатый, с толстыми стенками, покрытыми ржавыми потёками и старыми царапинами. На дверце красовались три замка разного размера, каждый со своим хитрым механизмом, а вокруг них – нацарапанные защитные руны, которые Марат обновлял каждые сто лет. Сейф стоял в маленьком мрачном доме, сложенном из потемневшего камня, где всегда пахло сыростью, пылью и старым железом. В этом доме гоблин жил уже много столетий, не меняя ни обстановки, ни привычек.

В сейфе хранились мешочки с золотыми монетами – кожаные, тряпичные, старые и новые, плотно набитые и приятно позвякивающие. Больше всего на свете гоблин любил пересчитывать деньги. Он делал это каждый день: начинал с утра, едва продрав глаза, и заканчивал к вечеру, когда за узким окном сгущались сумерки. Он высыпал монеты на стол, раскладывал их ровными кучками, водил по ним когтистым пальцем и бормотал числа. После этого Марат аккуратно ссыпал золото обратно в мешочки, запирали их в сейф и уходил – то в поле, где портил урожай и пугал скот, то в лес, где ломал ловушки и сбивал путников с троп, то в город к людям, чтобы творить там гадости: подсыпать соль в колодцы, путать вывески, рвать ремни у телег и наводить мелкие, но зловредные беды.

Да, Марат нигде не работал, не умел и не хотел работать, ибо существа его породы не занимаются ни физическим, ни умственным трудом. Но и деньги он не тратил. Он их копил, хранил, лелеял, получая удовольствие лишь от самого факта обладания таким состоянием. Мало кто из гоблинов мог похвастаться подобным размером богатства. И ему завидовали тролли, эльфы, леприконы, гномы, ведьмы и прочие сказочные существа – по крайней мере, так казалось самому Марату. Он был уверен, что каждый взгляд в его сторону полон тайной зависти, что за каждым шёпотом стоит мысль о его золоте, и это грело его черствое сердце.

Однажды, пересчитывая монеты, он вдруг понял, что одной не хватает. Его обуял ужас и гнев.

– Кто посмел украсть у меня золото?! – заорал он, оглядываясь по сторонам.

Мозги у него словно закипели, глаза загорелись злобным огнём, жилы на шее вздулись, а изо рта закапала едкая, шипящая слюна. Он метался по комнате, обнюхивал пол, заглядывал под стол и даже потряс сейф, будто монета могла сама выпасть обратно.

Ему ответила тишина.

Тогда Марат стал вспоминать, кто был рядом, когда он вчера считал своё богатство.

«Мимо пролетала ворона, – мелькнула мысль, – точно, я её успел увидеть в окне... Значит, это она украла у меня монету, прохиндейка!»

Гоблин пробормотал заклинание, щёлкнул пальцем, и в воздухе вспыхнула зелёная искра, пахнувшая серой и дымом. В то же мгновение в доме возникла ошарашенная ворона. Ещё секунду назад она грелась у речки на солнце, чистила перья и шурилась от удовольствия – и бац! – вдруг очутилась в тёмной, сырой комнате Марата, где стены давили, а воздух был тяжёлым и холодным.

– Кар-кар, как я сюда попала? – растерянно прокаркала она, захлопав крыльями.

Тут на неё набросился гоблин, злобно шевеля своими большими ушами:

– Признавайся, негодная, это ты украла у меня монетку? Знаю я вас, вы все, вороны, любите тащить что блестит, до чужого добра хваткие! Отдавай золото!

Ворона отпрянула и возмущённо ответила:

– Марат, ты с ума сошёл! В твой дом все птицы залететь боятся! Зачем мне монета? Я же не хожу на рынок или в магазин, не покупаю там себе рыбу или кукурузу! Всё сама добываю – с поля или с речки!

Задумался гоблин: вроде бы не врет ворона, действительно, зачем этой птице монетка? Он недовольно цыкнул, щёлкнул пальцем – и ворону словно подхватил резкий порыв ветра. Комната мигнула, запах сырости сменился речной прохладой, и птица в одно мгновение снова сидела на тёплом камне у воды, ошарашенно крутя головой и не понимая, было ли всё это наяву или дурным сном.

Марат снова уставился на сейф и нахмурился. «Ах да, вроде бы кролик пробежал мимо, вот он точно утащил у меня монетку», – решил он.

Гоблин прошептал новое заклинание, и из-под земли с тихим хлопком выдернуло кролика. Тот был серо-белый, с длинными ушами и блестящими от испуга глазами. Еще секунду назад он сидел в своей норке и кормил детишек свежей морковкой – маленькие крольчата смешно шевелили носами и тянули лапки к оранжевым кусочкам.

– Э-э-э... где я? – удивился кролик и попятился, увидев гоблина возле огромного сейфа.

– Я знаю, серые ты ушки, что именно ты украл у меня золотую монету! – завопил Марат, смешно шмыгая своим длинным горбатым носом. – А ну отдавай, а то на шкуру разделаю тебя!

Кролик, однако, не испугался. Он прижал уши и честно сказал:

– Мы, кролики, зверьки честные, не ворует. Зачем мне монета? Я же питаюсь морковью и капустой. Мне деньги не нужны!

Задумался гоблин: и вправду, к чему кролику монета? Он сердито фыркнул и щёлкнул пальцем. Земля под лапами кролика разошлась, и тот мгновенно оказался в своей норе, где перепуганные крольчата тут же облепили его со всех сторон.

Марат стал вспоминать дальше.

«Когда я считал монеты в шестом мешке, вроде бы слышал кряхтение медведя... точно, это он выкрал у меня монету!»

Не прошло и трёх секунд, как в доме гоблина возник бурый медведь – огромный, лохматый, с липкими от мёда лапами и сердитой мордой. Он был таким большим и тяжёлым, что еле поместился в тесной избе, стены заскрипели, а потолок угрожающе затрещал. Медведь недоумённо оглядывался: ещё мгновение назад он выламывал соты из дупла и ревел от укусов пчёл.

– А ну-ка, мишка, говори: где моя монета! – завопил Марат. – Я слышал, как ты утащил её у меня!

Медведю такая версия совсем не понравилась. Он хмуро зарычал, схватил гоблина за ухо – крепко, так что у Марата глаза полезли на лоб, – и поднёс его к своей морде, оскалив зубы.

– Слушай, Марат, – прорычал он, – я мишка добрый, но за такое обвинение могу и сожрать тебя!

Гоблин понял, что шутить с этим зверем не стоит. Он поспешно щёлкнул пальцем. Медведь расплылся в воздухе, словно дым, запах мёда исчез, а Марат с глухим шлепком рухнул на деревянный пол, больно ушибив колени.

– Ах, да кто же украл мою монету?.. – сердито пробормотал он.

И тут из угла раздался тонкий писк:

– Марат, голова твоя дырявая, как и мешок твой, что прохудился. Вчера твоя монета выпала из дырки мешочка и закатилась под сейф. Я сам это видел.

Гоблин поднял глаза и увидел паука – серого, мохнатого, с умными блестящими глазками. Тот спокойно плёл паутину, ловя мух. Паук был единственным другом Марата, потому что по характеру они полностью совпадали: оба вечно ворчали и желали несчастья всем живущим на планете.

Марат наклонился, заглянул под сейф – и точно, там лежала его монетка. Он взвизгнул от радости, вытащил все мешки и снова принялся пересчитывать золото, потому что иначе просто не мог. Когда всё сошлось до последней монеты, гоблин облегчённо вздохнул, сложил мешочки в сейф, закрыл его на кодовый замок, нацепил пару тяжёлых цепей и отправился в город – гадить жизнь обычным жителям.

А паук лишь покачал головой и прошипел вслед:

– Сколько ни считай, всё равно счастья не прибавится.

Но Марат этого не услышал. Ведь ничего иного гоблины делать не могли – ни радоваться по-настоящему, ни делиться, ни жить иначе, кроме как охранять своё золото и портить жизнь другим.

(10 ноября 2015 года, Элгг)

Гоблин Марат и волк

Гоблин Марат в этот вечер решил прогуляться по берегу реки. Он шел медленно, загребая пыль кривыми ногами, озираясь по сторонам и надеясь, что обязательно найдет кого-нибудь, кому можно испортить настроение, заставить заплакать, унижить или хотя бы довести до злости. Такие встречи придавали его существованию смысл: чужие слёзы грели ему душу, а чужая растерянность казалась музыкой.

Но как назло, никого не встречалось. Тропинка была пуста, кусты молчали, даже птицы будто нарочно не попадались ему на глаза. И вот у небольшой скалы, нависшей над водой, он узрел волка.

Волк был серый, ухоженный, с густой шерстью, переливающейся в лучах заката. Он сидел спокойно, почти по-человечески, держа в лапах удочку. На его морде играла легкая улыбка, глаза были веселыми и ясными, а весь он был сосредоточен на поплавке, который покачивался на тихой воде. Волк терпеливо ждал клёва. Рядом стояло ведро, а в нём уже прыгали два пойманных окуня – серебристые, живые, сердито плескающие хвостами, словно подтверждение того, что рыбалка у волка шла удачно.

Марату это сразу не понравилось.

Он подошёл ближе, скрипя зубами, и сурово спросил:

– Волк, чем ты тут занимаешься?

Волк обернулся.

– А-а, это ты, гоблин, – с неохотой произнёс он. Вообще-то разговаривать с Маратом никто не любил: такие беседы почти всегда заканчивались неприятностями. – Э-э-э... рыбу ловлю...

Погода в тот вечер была прекрасная: река текла спокойно, отражая розовое небо, тёплый ветер шевелил траву, солнце медленно опускалось за горизонт, и всё вокруг дышало миром и покоем.

– Рыбу ловишь? – зловеще прохрипел Марат, щёлкая себя по носу. – Ты же волчара, хищник! Ты должен охотиться на оленей, на поросят, на зайца, на людей, в конце концов! Тебе нужна рвущаяся плоть, тебе необходима свежая кровь!

Гоблин аж зажмурился от удовольствия, представляя, как этот волк бросается в город, сеет панику, пугает детей, разоряет дворы и наполняет улицы страхом. Но все его старания были напрасны.

– Нет, – спокойно мотнул головой волк, – я не такой. Не люблю ужасов. Я добрый и весёлый зверь, живу со всеми в мире и согласии. А рыбалка – это же спорт!

Такая речь окончательно разозлила гоблина. Он затопал кривыми ногами, выпятил громадные губы и затрещал:

– Как тебе не стыдно, волчара серый! Твой спорт – это погоня за жертвой! Твой спорт – это борьба с медведем за дичь! Позор тебе, если живёшь по другим правилам!

– Но я хочу жить так, – оправдывался волк, уже позабыв, для чего находится на берегу.

А тем временем рыба клюнула. Поплавок резко ушёл под воду, удочка дрогнула, но волк этого не заметил: он был вынужден вести дискуссию с гоблином, которого не мог терпеть.

– Я же сказал, – продолжал он, – что моя позиция – жить в дружбе со всеми в лесу!

Прыгая на одной ноге, гоблин захохотал:

– Какой же ты глупый! Над тобой смеются даже крысы!

Тут волк насутился, медленно положил лапы на колени, отставил удочку в сторону, махнул хвостом и очень серьёзно посмотрел на Марата. Его весёлые глаза потемнели, улыбка

исчезла, а спина выпрямилась. В этом взгляде больше не было ни добродушия, ни рассеянности – только холодное внимание хищника, который сделал вывод.

– Значит, говоришь, мне нужно мясо?.. – спокойно произнёс он.

– Конечно, дурак ты! – подтвердил гоблин, не замечая, как изменился тон собеседника.

А волк зловеще продолжал, почти шёпотом:

– Говоришь, мне нужна охота?

– Да?

– Я жажду крови?

– А то как же! Ты должен держать в страхе всех жителей леса! – усмехался Марат, уверенный, что наконец-то переубедил волка.

Волк кивнул и тихо сказал:

– Тогда, гоблин, не обижайся.

И в следующее мгновение он прыгнул на Марата, вцепившись зубами в его левую ногу. Клыки сомкнулись крепко, ткань штанины треснула, а гоблин завизжал, размахивая руками.

– Ай-ай-ай!

Он пытался вырваться, извивался, пинался, но волк уже вошёл во вкус. Рывком он сорвал с Марата шапку, отшвырнул её в сторону и тут же вцепился зубами в ухо, дернув так, что у гоблина в глазах потемнело.

– Что ты делаешь, дурак?! – орал Марат, обезумев от боли.

– Как что, – спокойно отвечал волк, не отпуская добычу, – я питаюсь мясом. Ты – моя жертва.

– Не я, не я, а другие! Пойми же ты, болван! – пытался образумить волка гоблин.

Но хищник уже не слушал. Он кусал за бок, царапал когтями, тянул за рукав, словно проверяя, насколько прочна эта странная добыча, которая так громко кричит и так плохо сопротивляется.

Наконец Марату пришлось прибегнуть к колдовству. Он щёлкнул пальцами, и его тело пошло рябью, словно отражение в воде. В воздухе запахло дымом и гарью, раздался короткий хлопок – и гоблин растворился, оставив на берегу только клочья одежды и обрывки злости.

Через мгновение он возник за несколько километров от реки – в собственном мрачном доме. Марат рухнул на пол и только тогда заметил: шапка пропала, левый ботинок исчез, штаны были разорваны в лохмотья, а кафтан измазан грязью, кровью и речной тиной.

– О-о-о, какой же ты дурак, ничего не понимаешь в жизни, волк! – ревел гоблин, шипя от боли.

Он достал банку с мазью из осинных жал и крапивы, густой, жгучей, с резким запахом. Марат намазывал ею укусы, царапины и синяки, подпрыгивая и ругаясь, но боль понемногу отступала.

А тем временем волк спокойно вернулся к своему занятию. Он снова сел у реки, забросил удочку, поправил поплавок и тихо напевал песню о рыбалке. Ведро вскоре наполнилось ещё одной рыбой – и вечер снова стал таким, каким и должен быть. Поплавок качался, вода шептала, и мир вокруг жил своей жизнью, не замечая гоблина.

А Марат, сидя в своём мрачном доме, продолжал выть от злости.

– Ничего не понимают! – бормотал он, размазывая мазь по укушенной ноге и ушибам. – Ни волки, ни звери, ни люди! Все какие-то неправильные! Всё делают не так, как положено!

Он с ненавистью пнул табурет, обозвал реку, лес, волка и саму рыбалку, потом вытер сопли рукавом и злобно заскрежетал зубами.

– Ладно... – прошипел Марат. – В следующий раз я найду кого-нибудь послабее.

И, натянув рваный кафтан, хромя, но полный решимости, гоблин вышел из дома – портить жизнь дальше.

Потому что гоблин Марат ничего не понял. И понимать не собирался.

(11 ноября 2015 года, Элгг)

День рождения гоблина Марата

У гоблина Марата был День рождения. Естественно, к такому мрачному и злобному существу никто в гости не приходил, да и нелюдимый Марат никогда никого не звал. Он жил одиноко и был сам себе другом: сам с собой разговаривал, сам себе поддакивал, сам же и злился. Такой образ жизни ему очень нравился – никто не мешал, не спорил и не пытался его исправить.

Но ещё больше ему нравилось делать гадости кому-нибудь, портить настроение и издеваться над слабыми. Например, однажды он нарочно напугал лесного ежика, довёл того до икоты и долго смеялся, слушая, как бедняга пыхтит в кустах. В другой раз Марат подменил дорожные указатели, и старый осёл три дня ходил по кругу, пока не свалился от усталости. А как-то раз гоблин специально рассыпал соль у порога ведьминой хижины – не из магических соображений, а просто чтобы та поскользнулась и разозлилась. Эти воспоминания грели Марата сильнее любого огня.

Но сегодня он день посвятил себе.

Для этого он испёк пирог из крапивовой муки, тёмный, плотный, с горьковатым запахом. В тесто он щедро насыпал сушёных мух и тараканов, которые хрустели на зубах, словно мелкие камешки. Корка у пирога вышла жёсткая, местами подгоревшая, а начинка – вязкая и липкая, но Марат считал это признаком удавшегося блюда. Пирог он торжественно поставил на середину стола.

Потом сделал соус из улиток и перекрученных через мясорубку сверчков и слизняков, добавив туда перемолотые мухоморы и поганки. Масса получилась зелёно-бурая, пузырящаяся и вонючая, с таким ароматом, что даже мухи старались держаться подальше. Марат попробовал ложкой и довольно хрюкнул.

Затем он пожарил три тушки толстых крыс на старой сковородке. Жарил долго, нарочно забыв про них, пока мясо не стало почти чёрным. Удушливый чёрный дым заполнил всё помещение, повис под потолком, щипал глаза и першил в горле. Но хозяина дома это ничуть не смущало – проветривать комнату он и не думал.

А в качестве напитка у него была болотная вода с пузырьками угарного газа – мутная, тёплая, с запахом тины. Именно такой напиток Марат любил больше всего.

Закончив приготовления, он сел за стол и зажёл свечи. Пламя их было слабым и дрожащим, оно едва освещало убогую комнату, полную пыли, паутины и старых пятен неизвестного происхождения. Тени плясали по стенам, делая жилище ещё более мрачным.

Под сейфом, полным золотых монет, жил паук. Но и его Марат не пригласил к трапезе – жадный гоблин не делился ни едой, ни праздником. В свою очередь, паук тоже не поздравил хозяина дома. Они друг друга терпеть не могли, хотя характерами были похожи: оба ворчливые, злые и недовольные всем вокруг.

– Ну, дорогой Марат, с Днём рождения тебя, – улыбнулся сам себе гоблин.

Он уже занёс ржавые вилку и нож над прожаренной крысой, как вдруг в дверь постучали.

– Ох, кто же это? – с неудовольствием произнёс Марат, поднимаясь из-за стола. Его раздражало, что его отвлекли от еды. Открывая дверь, он всей душой желал, чтобы никто из жителей леса не пришёл к нему в гости и не стал бы претендовать на праздничный ужин.

Но за дверью никого не оказалось.

Лишь на крылечке стоял пакет, явно оставленный кем-то в спешке. Скорее всего, это был почтальон, который терпеть не мог ходить сюда.

На пакете было написано: «С Днём рождения! Это подарок, чтобы ты стал добрым и вежливым!»

Эта надпись вызвала у гоблина настоящую бурю негодования.

– Чего?! – взвизгнул Марат. – Быть добрым и хорошим? Еще чего!

Он терпеть не мог добрых и хороших – это было противоестественно гоблиней природе. Слова про радость и вежливость резали ему слух, как тупой нож. Однако любопытство всё-таки пересилило негодование. Кривые пальцы с грязными ногтями сорвали упаковку, и из неё выпала толстая, тяжёлая книга в яркой обложке. Она была красочная, глянцева, с гладкими страницами, на которых красовались фотографии аккуратных блюд, улыбающихся людей и нарисованные фрукты, будто специально подобранные, чтобы раздражать.

На обложке золотыми буквами значилось: «Вкусная и здоровая пища, которая принесёт вам радость и сделает добрым».

С нескрываемым отвращением Марат стал листать книгу. Его взгляд наткнулся на заголовки:

«Как приготовить салат из помидоров, огурцов и лука»,

«Как испечь вишнёвый торт со сливками»,

«Рыба, запечённая на углях»,

«Суп “Клешня” из картошки, крабов и моркови»...

И он невольно представлял всё это: ярко-красные помидоры, сочные и блестящие, свежие огурцы с каплями воды, белые сливки, аккуратно взбитые, сладкую вишню, золотистую рыбу с хрустящей корочкой, ароматный пар над тарелкой чистого супа. Всё выглядело слишком красивым, слишком тёплым, слишком правильным. От этих образов у Марата сводило зубы от злости.

– О-о-о, и эту гадость мне предлагают? – прорычал он и с силой швырнул книгу в мусорное ведро. – Ни-за-что! Ни-ког-да! Я буду питаться только по гоблинским рецептам и только тем, что считаю вкусным!

Он снова уселся за стол и принялся за еду. Жадно, торопливо, чавкая и роняя крошки, он за полчаса сожрал весь пирог из крапивовой муки, вымакал соус из улиток до последней капли и обглодал подгоревшие крысиные тушки до костей. Он запивал всё это болотной водой, причмокивая от удовольствия и довольно похрюкивая.

Закончив, Марат хлопнул себя по животу – тот отозвался гулким барабанным звуком. Гоблин довольно ухмыльнулся, подтянулся, надел шапку и вышел из дома.

Он пошёл гулять, чтобы в День своего рождения обязательно сделать гадость первому встречному – птице, зверю или человеку. Ведь испорченное настроение кого-нибудь другого было для него самым лучшим подарком.

И никакие книги, никакие пожелания и никакие праздники не могли этого изменить.

Просто все гоблины такие – ужасные, вредные и абсолютно довольные собой.

(11 ноября 2015 года, Элгт)

Как гоблин Марат на метле летал

Однажды гоблин Марат прогуливался по кладбищу. Это было единственное место, где он испытывал настоящее удовольствие: кладбище дышало забвением, мертвые были тихи, неподвижны и беспомощны – идеальная аудитория для его злорадных издевок. Каменные плиты, покрытые мхом, торчали во все стороны, будто застывшие гримасы, а туман стелился между надгробиями, придавая всему месту зловещую торжественность.

Марат шнырял между могил, ругаясь и обзывая мертвецов прямо по именам, выбитым на памятниках.

– Ах, Петрушка Петров, совсем ты мелкий урод! – хмыкнул он. – А ты, Марья Ивановна, жуткая скукота!

Мертвые, конечно, молчали, и это только усиливало его чувство власти. С живыми Марат был осторожен: едва кто-то появлялся среди деревьев, он тут же прятался, стараясь не попасться. Люди могли устроить ему взбучку за оскорбления, а гоблин такой роскоши не любил.

И вот, среди могил он заметил метлу. Это была не обычная дворниковская метла, а колдовское орудие хексы: черное древко с резными рунами и веник, переливающийся призрачным фиолетовым светом. Похоже, здесь ночью устраивали шабаш нечисти, и хекса, похоже, куда-то спешила, оставив метлу. Марат подхватил её, и в его руках зашипела магическая сила.

– Хм... Почему бы и мне не полетать? – промелькнула мысль. – Пусть все видят, что я могу управлять небом!

Он уселся на метлу и попытался взлететь. Метла, как оказалось, была капризной и непослушной: она подбросила его на пять метров, а потом грохнулась на землю. Марат скатился с холма и с глухим ударом шмякнулся головой о могильную плиту, искры посыпались из его глаз, и зубы стукнулись друг о друга.

– Гадкая, никчемная метла! – пробурчал он. Но бросать затею не собирался. Он снова вскочил на метлу и приказал лететь.

На этот раз метла поднялась выше. Ветер свистел в ушах, а туман метался вокруг, но Марат не мог управлять – через минуту он врезался в старый дуб. Ветки царапали лицо и одежду, а он, грохнувшись на камни, ободрал колени и руки, но злорадно шипел:

– У тебя характер хуже меня, но я тебя приручу!

Следующая попытка. Метла неслась к горам, крутясь, резко снижаясь и поднимаясь. Гоблин стошнило от коварного, хаотичного полета, и он свалился прямо в ледяную речку. Вода обдала его тело ледяными потоками, и он дрожал, но в глазах сверкала злая решимость:

– Ты будешь слушаться меня, и я покажу всем, кто тут настоящий хозяин!

Он еле выполз на берег и, увидев лежащую на песке метлу, сразу стал пинать ее ногами и ругаться:

– Ах ты, негодная вещь хексы! Ах ты, подлая штучка! Обламаю сейчас древко! Выщипаю все прутья!

Метла, похоже, очень обиделась на такие слова. Она внезапно дернулась и, как хлестанула гоблина по плечу, так, что Марат почувствовал острую боль, как будто его размазывали по песку палкой. Он подпрыгнул, заорал и, ощупывая место удара, завизжал:

– Ай, что ты делаешь!

Но метла не собиралась останавливаться. Она прыгала и кидалась в сторону Марата, била его по спине, ногам и даже по голове, словно преследуя его с особой злобой. Гоблин отчаянно пытался спрятаться: забегал за камни, прятался под корни деревьев, заползал в небольшие норы, но метла всегда находила его, хлопала и дергала, не давая ни минуты покоя.

Наконец, устав и весь измятый, Марат применил свое колдовство. Он шелкнул пальцами, и внезапно оказался дома, в своей крохотной конуре. Он сел на грязный матрац, весь красный от ударов метлы, трясясь и ворча:

– Фу, никогда больше! – пробормотал он, протирая больные места. – Эти вещи ведьм – чистое зло. Никогда к ним не прикасайся!

Однако вечером к нему в окно постучала сама хекса – ведьма из Пуринского леса. Она появилась в черном одеянии с длинными рукавами, на плечах переливались тени, а в руках сверкала ее метла. Волосы, черные, как смола, падали каскадом, а глаза сверкали колдовской яростью.

– Ах ты, старый сморчок! – орала она, голосом, от которого стены конуры дрожали. – Как ты посмел притронуться к моей метле!

Марат, не теряя наглости, сплюнул на пол и заявил:

– Это она ко мне приставала! Ты знаешь, у гоблинов своя магия – нам не нужна метелка пожилых женщин!

Такое оскорбление хекса терпеть не могла. Она подняла руки, произнесла заклинание, и гоблин в один миг превратился в мраморную статую. Холодный камень покрывал его тело, зубы стиснуты, глаза застыли в вечном злорадном выражении.

Еще одним колдовством ведьма перенесла Марата на кладбище и поставила его среди могил в самом мрачном уголке – там, где плиты были наклонены друг к другу, туман сгушался до непроницаемой пелены, а ветви старых деревьев скрипели, как зубы скелета. Каменный гоблин стоял там целый год, пока колдовство не рассеялось.

Когда Марат вернул себе обычный облик, он ворчал и ругался, трогая опухшие от ударов места, однако, испытывая злость на хексу, ничего не предпринял в ответ – он понимал, что та сильнее его в магии, а сам гоблин плохо учился в школе волшебства.

Зато целый год люди жили спокойно: гоблин, будучи статуей, не тревожил никого своими мерзкими проделками, позже сидел в своей конуре и лишь ворчал, вспоминая злополучные приключения на метле хексы.

Прошел год, и Марат постепенно забыл боль, которую доставила ему метла хексы. Но его злобная натура никуда не делась. Он сидел в своей конуре и строил новые пакостные планы: как на этот раз напакостить людям, но так, чтобы хекса его не застала.

– Если я буду осторожен... – бормотал он, потирая подбородок. – ...могу устроить настоящий хаос и никто не догадается, что это я!

Первым делом Марат решил, что пора поиздеваться над деревенскими животными. Он наложил заклинание на кур, чтобы те вдруг начали кукарекать ночью, и коз, чтобы они бегали по улицам и топтали огороды. Жители вставали посреди ночи, кричали и махали кулаками, но Марат сидел в тени и хихикал.

– Ха-ха! – скрежетал он. – Вот так, идиоты!

Следующим его планом была банальная, но эффективная пакость: подмешать в колодцы немного легкой магии, чтобы вода становилась слегка мыльной и пенистой. Утром люди обнаружили, что у них вместо питьевой воды – пена, а Марат издал злорадный смех, сидя на крыше собственной конуры.

Но самое любимое занятие гоблина – это мелкие обманы с предметами ведьм. Он тайно скопировал руны с метлы хексы и наложил на свои вещи слабое колдовство. Теперь его тряпки сами швырялись в углы, а его палка для чесания спины иногда хватала Марата за пятки и подтягивала к потолку, заставляя его ругаться и хохотать одновременно.

Однако Марат уже понимал одну вещь: хекса не дремлет. Она могла вернуться в любой момент и устроить ему расправу. Но гоблин был хитрее: он оставлял следы своих пакостей там, где, казалось, они случались сами. Люди спорили, кто виноват, а Марат хихикал в своем углу, наслаждаясь полной безнаказанностью.

– Да уж... – усмехнулся он, потирая руки. – Никто не догадается, что это я. Мой год тишины прошел – пора возвращаться к любимым делам.

И так Марат стал тайным кошмаром деревни: никто не видел гоблина, но его мелкие и хитрые пакости делали жизнь людей слаще... точнее, ужаснее. А сам гоблин, довольный собой, продолжал строить свои злые планы, ведь злодейство – это его стихия.

Прошел еще месяц, и гоблин Марат понял: мелкие шалости уже надоели – пора на что-то большее. Он вспомнил о магии хексы и о том, как метла почти подчинилась ему. Если соединить её силу с хитростью, можно устроить настоящий хаос!

В деревне готовился большой праздник: ярмарка, музыка, пиры и танцы. Марат рассматривал это как идеальный шанс показать, кто здесь хозяин:

– Ахах, они думают, что смогут веселиться без меня? Сейчас я устрою им настоящий переполох! – хихикнул он, потирая руки.

В темноте, пока люди спали, он тихо вылез из своей конуры. С помощью чужого колдовства он заставил предметы двигаться сами по себе: корзины с фруктами падали, бочки с водой перекачивались, а фонтаны пылили грязной водой. Деревья, казалось, шептали и скрипели, а тени людей удлинялись и плясали по стенам домов, вызывая настоящий ужас.

Когда деревенские жители вышли на праздник, они увидели полный хаос: музыка гремела, но инструменты сами ломались; еда и напитки летали по воздуху, словно одушевленные злой магией. Люди кричали, дети плакали, а Марат сидел на крыше, еле сдерживая смех:

– Ха-ха-ха! Вот это веселье, мои дорогие!

Но счастье Марата длилось недолго. Хекса, как будто почуяв магию ее формата, появилась на краю деревни. Она была в черной мантии, с длинной косой, ветер развеивал её волосы, а глаза сверкали яростью:

– Ах ты, мерзкий гоблин! – закричала она. – Думаешь, сможешь устроить свои пакости с моей магией?

Марат попытался бежать, но хекса подняла руку и с помощью заклинания остановила его прямо в воздухе. И он был вынужден лицом к лицу встретиться с рассерженной ведьмой.

– Ах ты, маленький гад! – гаркнула хекса. – С тобой, похоже, надо навести порядок раз и навсегда!

И Марат понял: даже самый злой и хитрый гоблин не может обмануть сильную ведьму. Он лежал на земле, весь красный от ударов, и лишь скребся когтями, пытаясь выбраться, но хекса уже приготовила новое наказание, которое гоблин еще долго будет вспоминать. Он медленно превратился в жабу. И ведьма отправила его в болото, на этот раз на три года.

А жители деревни, хоть и напуганные, наконец смогли дышать спокойно, понимая, что хаос пришел и ушел, оставив за собой лишь историю о самом пакостном гоблине в округе.

(12 ноября 2015 года, Элгт)

Часы для гоблина Марата

Гоблин Марат постоянно путался во времени: он был искренне уверен, что ночь наступает тогда, когда ему хочется спать, а день начинается лишь после того, как он выспится, пусть даже за окном давно светило солнце и шумели утренние птицы. Он ложился в кровать на рассвете, натягивал на голову одеяло и бормотал, что Луна сегодня особенно яркая, а звёзды, должно быть, просто спрятались за тучами. Такой перекошенный распорядок превращал его жизнь в непрерывный беспорядок: он выходил из дома не вовремя, ссорился не к месту, делал пакости тогда, когда от них было меньше всего пользы. Впрочем, Марата это ничуть не тревожило – делать всё неправильно, скверно и обязательно во вред другим он считал своим призванием и смыслом существования. Единственное, что его по-настоящему раздражало, – он не знал, когда именно следует пересчитывать золотые монетки, аккуратно сложенные в мешках и спрятанные в сейфе, а упустить хоть одну проверку означало допустить в жизни непростибельный порядок.

Причина этого хаоса висела на стене, слегка перекосившись: старые настенные часы, доставшиеся Марату от деда. Корпус их был тёмным, изъеденным временем, с глубокими царапинами и облупившимся лаком, стрелки застыли навеки на каком-то бессмысленном часу, а стекло циферблата помутнело, словно часы давно смотрели не на мир, а внутрь себя. В один особенно раздражающий день Марат решил, что пора навести порядок, и полез чинить наследство. Он снял часы со стены и заглянул внутрь. Кукушки там, разумеется, не оказалось. И быть её не могло: гоблин никогда никого не кормил, и бедной птичке, чтобы не умереть с голоду, пришлось однажды ночью покинуть деревянный домик и улететь в лес. К Марату она, естественно, не вернулась, а вместе с ней из часов ушло и время – стрелки замерли, механизм осиротел, а тишина внутри стала почти зловещей.

– Та-ак, что там? – пробурчал Марат, вглядываясь в нутро часов. Внутри стояла такая пыль, что он чихнул сначала раз десять, потом ещё столько же, размахивая руками и ругаясь. Лишь водрузив на нос очки с мутными стёклами, он смог разглядеть переплетение шестерёнок, зубчатых колёс, натянутых пружин и тонких рычажков, сцепленных друг с другом в сложном, почти живом узоре. Всё это выглядело важным, таинственным и совершенно непонятным. Разумеется, в механике Марат не разобрался и чинить ничего не умел.

Зато он сделал вывод, который показался ему блестящим: часы будут работать, если в них кто-то будет жить. Кукушка, ясное дело, возвращаться не станет, сам гоблин туда не влезет, а других существ в свой дом он не заманил бы даже золотом и ласковым словом. Летучие мыши облётывали жилище стороной, жабы перепрыгивали порог с явным отвращением, а крысы и те старались держаться подальше.

И тут взгляд Марата упал на паука. Тот сидел под сейфом, раскинув длинные, узловатые лапы, и методично плёл плотную паутину, блестящую в свете свечей. Паук был крупный, чёрный, с тускло поблёскивающими глазами, а на нитях перед ним висели жирные мухи, дёргавшиеся вяло и безнадежно, уже смирившиеся с участью стать ужином. Паук работал сосредоточенно и с явным удовольствием, подёргивая нити и оценивая добычу.

У Марата, однако, родилась совсем иная идея.

– Эй, ты, ступай сюда! – приказал он, ткнув кривым пальцем в окошечко часов.

– Это ещё зачем, бр-бр? – недовольно пробурчал паук, приподнимая передние лапы. Он не любил подчиняться гоблину и откровенно презирал его за жадность, глупость и дурной запах.

– Будешь у меня вместо кукушки время объявлять, – пояснил Марат. – Скажешь, когда сколько времени.

Паук нехотя перебрался в часы, долго лазил внутри, цепляясь лапами за шестерёнки, и с каждой минутой хмурился всё сильнее. Его раздражало жужжание механизма, скрип старого дерева, да и сама мысль о том, что каждый час придётся вылезать наружу и что-то объявлять, казалась ему унижительной и утомительной.

– Ну, давай, объявляй, который час! – нетерпеливо сказал Марат.

Паук выполз из окошечка, повис на нитке и мрачно пробурчал:

– Бр-бр...

– Что это значит?

– Что время пришло, – без всякой охоты ответил паук, уже мечтая вернуться под сейф, к своей тишине, паутине и жирным мухам.

– А-а-а, – почесал затылок Марат, сморщив лоб так, будто в нём скрипели несмазанные петли. – Время пришло... ага... понятно... А час какой?

– Один, – уверенно заявил паук, который считать не умел вовсе и потому говорил первое, что приходило ему в голову. За время он ответственности не нёс и не собирался.

– Один час дня или ночи? – насторожился гоблин.

– Один час утра! – скучно отозвался паук.

– Отлично! Самое время пойти делать гадости людям! – хохотнул Марат, хлопнув себя по колену. Он натянул резиновые калоши, схватил кривую трость с облезлой ручкой, распахнул дверь и вышел наружу, насвистывая что-то фальшивое и зловещее одновременно.

Над миром висела Луна, жирная и бледная, словно кто-то плохо вымыл тарелку. В лесу ухал филин, тягуче и осуждающе, а из болота доносилось дружное кваканье лягушек, довольных жизнью и влажной прохладой. Туман стелился по земле, цепляясь за кочки, и каждая тень казалась подозрительной и живой.

– Прекрасное утро! – радостно крикнул Марат и потопал в сторону деревни. Он уже представлял, как отпилит колесо у кареты, как выкопает коварную яму у чьего-нибудь крыльца и зальёт её водой, как испортит клубнику в огородах, высушив её своей пакостной магией. Время суток его не волновало – гадости приятно делать всегда, а часы с пауком лишь придавали происходящему видимость порядка.

Но до деревни он так и не дошёл. В темноте Марат свернул не туда, оступился и с чавкающим звуком увяз в болоте. Грязь засасывала калоши, трость ушла под воду, а лягушки с возмущённым кваканьем разлетелись в стороны. Тут же появилась цапля – высокая, худая, с длинным клювом и мстительным взглядом. Она долго и методично клевала Марата по голове и плечам за то, что он распугал её ужин, а гоблин визжал, ругался и обещал всему болоту страшную месть.

В итоге злой, грязный и униженный Марат кое-как выбрался и побрёл домой. Внутри его ждала новая картина: паук за это время оплёл паутиной все часы целиком, так что даже стрелки были спутаны липкими нитями и едва угадывались под серым кружевом. Часы выглядели так, будто их давно забросили в подвал и забыли навсегда.

– Который час, ты, дурак?! – заорал Марат, швыряя калоши в угол.

– Бр-бр... – пробормотал паук, не поднимая головы.

– Что это значит?!

– Это значит, что завтра будет дождь!

– Так ты часы же, а не барометр, – удивился гоблин, даже забыв на миг злиться.

– А я не хочу быть часами! – заявил паук. – Я хочу предсказывать погоду!

Марат почесал за ушами, подумал и решил, что барометр – тоже неплохо. «Деньги нужно считать при хорошей погоде», – рассудил он. А раз паук обещал дождь, значит, считать золото завтра нельзя. Самое время поспать.

Он плюхнулся на кровать, мгновенно захрапел, раскинув руки и ноги, сопя, булькая и иногда вздрагивая, будто ему снились особенно пакостные мысли. Во сне ему мерещились часы, из которых доносился хриплый голос, словно из старого радио:

– Внимание! Деньги сегодня считать нельзя! Магнитная буря!

Во сне гоблин вытащил все мешки с золотом, закопал их на кладбище, а потом напрочь забыл, где именно. Он долго орал от злости, размахивал кулаками и пугал надгробия, пока не проснулся в холодном поту.

– Это всё из-за часов, – мрачно решил Марат. Он схватил молоток и с остервенением разбил дедушкины часы, так что щепки и шестерёнки разлетелись по комнате, а паук еле успел спастись.

– Не знал я ничего про время и знать необязательно, – зевнув, сказал гоблин.

С тех пор Марат жил вовсе без часов, ориентируясь на собственное настроение и количество злых мыслей в голове. И, надо признать, жил он вполне счастливо – ведь для того, чтобы делать пакости, никакое время знать не нужно.

(12 ноября 2015 года, Элгт)

Гоблин Марат и дракон

В этот день у гоблина Марата было прекрасное настроение. Прекрасное потому, что одна особенно удавшаяся гадость до сих пор грела ему душу: на рассвете он подменил указатели на дороге, и теперь торговец солью уже третий час колесил по лесу, кляня судьбу, лошадей и собственную неграмотность. Марат даже издали слышал отголоски ругани – и это наполняло его тихим, вязким счастьем. Свистя мерзкую, режущую ухо мелодию, он прогуливался по опушке леса, зорко поглядывая по сторонам в надежде встретить ещё кого-нибудь, кому можно было бы сделать что-то нехорошее, желательно навсегда запоминающееся.

Он пел, не особенно заботясь о слухе окружающего мира:

«Я Марат – великий гоблин,
пакость – мой родной талант.

Где пройду – там плачут вдовы,

Где чихну – там кавардак.

Я не кузнец и не поэт,

Зато в гадостях – мастерец.

Мне поклонится весь свет,

Если доживёт... хе-хе... конец!» – было нескладно и жутко не в такт, но гоблина это не смущало. У него было свое понимание поэзии и мелодии.

Погода стояла хорошая – слишком хорошая. Солнце светило мягко и тепло, ветер был ласковым, листья тихо шелестели, а небо выглядело до отвратительного мирным. Для Марата такая погода была почти оскорбительной: никакой грязи, никаких луж, ни капли дождя. Хорошей он признавал лишь ту, где сапоги вязнут в жиже, а настроение портится у всех, кроме него.

И тут он заметил дракона.

Тот лежал на опушке, вытянув массивное чешуйчатое тело на мягкой траве. Чешуя у него была тёмно-зелёная, с бронзовым отливом, крылья аккуратно сложены, когти ухоженные, без следов недавних битв. Дракон бережно нюхал полевые цветы, прикрывая глаза, наслаждался свежим ветром и тёплыми лучами солнца, а на морде его застыло выражение задумчивого покоя. Было видно: перед Маратом – редкий экземпляр дракона-романтика, который вместо пожаров и разрушений предпочитает тишину и стихи, сочиняемые в уме.

Марат остановился. Его радость слегка притормозила, сменившись холодным расчётом. Делать пакость дракону – дело опасное: у такого собеседника аргументы обычно огненные и окончательные. А вот получить выгоду... выгода – это всегда приятно. Гоблин прищурился, улыбнулся уголком рта и направился ближе, осторожно ступая, словно охотник, который пока не решил, стрелять или торговаться.

– Что делаешь, дракон? – спросил он без всяких вступлений.

Дракон удивлённо посмотрел на него. Он был вежливым существом и привык, что сначала здороваются, желательно без скрытых намерений. Однако, взглянув на гоблина, быстро понял: не все в этом мире придерживаются правил приличия. Сердиться он не стал – многие драконы по жизни философы, а этот был именно таким.

– Здравствуйте, – спокойно ответил он. – Отдыхаю.

– А что, работы больше нет? – поинтересовался Марат, медленно обходя вокруг массивной туши. Он разглядывал дракона, оценивая силу, размеры и возможные слабости, прикидывая, как бы уколоть побольнее, но так, чтобы самому не пострадать.

– Что вы имеете в виду? – удивился дракон. – Поясните...

– Как что? – всплеснул руками Марат. – Драконы должны охранять принцесс в башнях или богатства в сундуках! Это же всем известно! – возмутился он так, будто говорил о про-

писной истине. Сам он, правда, принцесс никогда не видел, а свои деньги держал в сейфе, но это его ничуть не смущало.

Дракон почесал хвостом лоб, задумался и нахмурился.

– Ну... я слышал об этом... – медленно произнёс он. – Только никто мне такую работу не предлагал. Сейчас другое время. Драконы занимаются искусством, архитектурой, космонавтикой. А то, что ты говоришь, – это, наверное, было в прошлом...

Марат замер. Его уши дрогнули. В голове гоблина начала медленно, со скрипом, рождаться новая, особенно изящная пакость.

Тогда гоблин вкрадчиво спросил, протирая ладошки, так что они тихо заскрипели, словно сухая кора:

– У тебя есть на примете принцесса в башне?

– Нет, – честно признался дракон, не видя смысла в выдумках.

– А золото в сундуках?

– Тоже нет...

– Так я предлагаю поработать у меня, – торжественно провозгласил Марат, выпятив грудь. – У меня есть золото в мешках, а мешки те – в стальном сейфе. Мое богатство нужно охранять.

Его аж распирало от счастья: он почти физически ощущал, как судьба подсовывает ему редкий шанс – заставить работать бесплатно не кого-нибудь, а настоящего дракона. Да еще и на себя! Вот уж тогда люди, эльфы и прочие разумные твари будут обходить его стороной, шептаться и уважать, пусть даже издалека и с дрожью в коленях.

– Только охранять? – переспросил дракон, приподнимаясь с травы и расправляя шею.

– Э-э-э... – Марат невольно попятился, заметив, насколько тот велик вблизи. – Ну... да... И еще: возить меня на своей спине туда, куда я хочу. Таковы уж правила для драконов. Не я их придумал, но их всем драконам нужно исполнять.

Дракон посмотрел на него насмешливо, чуть прищурился, будто разглядывал странное, но забавное насекомое. И, к удивлению Марата, неожиданно согласился:

– Хорошо. Поехали к тебе, покажешь богатство.

Гоблин подпрыгнул от радости, визгливо хихикнул, вцепился когтистыми пальцами в чешую и кое-как вкарабкался на спину дракона, усаживаясь поудобнее. Дракон же спокойно расправил огромные крылья, взмахнул ими – воздух загудел, трава пригнулась, – и они поднялись в небо. Лес под ними быстро уменьшался, деревья превращались в пятна, дорога в тонкую нить, а ветер хлестал Марата по морде, отчего тот щурился и восторженно скалился, чувствуя себя почти властелином мира. Полет был ровным и плавным, словно дракон скользил по невидимой реке воздуха.

Долететь до дома гоблина не составило большого труда: уже через три минуты они опустились на землю.

– Вот, это мой дом, – похвастался Марат, указывая на свое убогое и мрачное жилище.

Дом стоял криво, словно ему было стыдно за собственное существование: перекошенные стены, потемневшие от сырости доски, крыша, латанная всем подряд, и маленькие оконца, похожие на прищуренные глаза. Вокруг валялись обломки, мусор и старые кости, а запах стоял такой, будто внутри годами копили пыль, страх и плесень.

Дракон аж сморщился.

– Фуу... – выдохнул он. – Меня, как эстета, сейчас вывернет.

Они зашли внутрь, точнее, гоблин зашел, а дракон просунул только голову, с трудом втиснув морду между косяками.

– А это мои богатства! – гордо заявил Марат, подводя его к сейфу. – Там мои золотые монетки.

Сейф был массивный, покрытый ржавчиной и паутиной, но явно прочный и набитый до отказа. Дракон внимательно посмотрел на него, потом перевел взгляд на стены, пол и потолок.

– Ты мог бы на эти деньги купить себе хороший дом, – заметил он. – Светлый, просторный, с камнем, арками, возможно, витражами. Эстетика пространства влияет на мышление.

Подобные идеи никогда не роились в голове гоблина. Марат вспыхнул, как трут:

– Ты что! Золото дано для того, чтобы его хранить, а не тратить! Мне нравится мой дом, какой он есть!

Дракон зевнул, вытянул шею и улегся рядом с домом, аккуратно обвив хвост вокруг крыльца.

– Ладно, мне все равно, не мне же в нем жить. Я согласен охранять твоё богатство...

– Вот и хорошо! – радостно потер руки Марат, уже представляя, как хвастается перед всем светом своим драконом-стражем.

– Только ты должен меня кормить! – неожиданно добавил крылатый охранник, приоткрыв один глаз.

Улыбка на морде гоблина дрогнула.

– К-к-ко-ор-ми-ть? – заикаясь, переспросил гоблин, и его уши мелко задрожали. В голове у Марата тут же разверзлась бездна ужаса: прокормить дракона – это значит целыми днями торчать у очага, варить, жарить, таскать котлы, добывать несколько тонн мяса, овощей, хлеба, да еще желательно свежего. Где он это возьмет? Охотиться – лень, выращивать – противно, воровать у людей опасно, а покупать в деревне... покупать – значит тратить золотые монеты. Его родные, любимые, пересчитанные и перепересчитанные монетки! А какой смысл в стороже, если ради него нужно проедать охраняемое богатство? Мысли метались, сталкивались, путались, и Марат ощутил, как привычная уверенность в собственной хитрости начинает таять, словно жир на сковороде.

– Э-э-э, дракон, слушай, а ты сам себя прокормить не можешь? – осторожно спросил он, косясь на зубастую пасть.

В ответ дракон как бы невзначай выпустил в небо длинную струю пламени. Огонь разрезал воздух, оставив после себя запах гари и горячий ветер, от которого у гоблина подпрыгнула шляпа и обуглился кончик уха.

– Не-е, – равнодушно протянул крылатый зверь. – Я же теперь на службе. Теперь это не мои проблемы. Раз пригласил – будь любезен, корми меня!

Марата это окончательно не устроило. Он сжал кулаки и топнул ногой так, что пыль взвилась столбом.

– Но у меня нет для тебя еды!

– Так найди!

– Не могу найти... и не хочу! – сердито выкрикнул Марат и топнул еще раз. – Сделка отменяется!

– Согласен! – спокойно сказал дракон. – Но раз я обязан по драконьим правилам охранять богатство, то я буду охранять твой сейф... только от тебя! Таковы уж правила – не я их придумал!

– Как это от меня? – растерялся гоблин, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Я его забираю с собой, – объявил дракон. – Буду носить на своей спине, пока ты не выкупишь золото у меня.

Марат даже моргнуть не успел. Дракон ловко вытянул сейф из дома, выломав косяк и половину стены, сжал его в зубах, расправил крылья и стремительно поднялся в воздух. Земля вздрогнула, крыша посыпалась трухой, а сейф, еще недавно такой надежный и родной, болтался над домом, словно чужой.

– Стой, вор! – заорал ошарашенный гоблин, подпрыгивая и размахивая руками. – Верни мое золото!

Он не мог поверить в происходящее. Теперь другие гоблины будут тыкать в него пальцами и хохотать, потому что нельзя быть гоблином без золота. Над ним станут смеяться леприконы, ехидно звеня своими монетами, эльфы будут презрительно морщиться, а даже тролли – эти грубые, туповатые коллеги – станут отпускать шуточки. Что уж говорить о людях и лесных жителях.

– Меня ограбили, караул! – продолжал орать Марат, потрясая кулаками и подпрыгивая на месте.

Но никто не пришел ему на помощь. Никто не выбежал из леса, никто не выглянул из деревни. Гоблина не любили, не уважали и не считали достойным спасения.

А тем временем дракон с сейфом уже скрылся в облаках. Его силуэт растворился в белесой дымке, и лишь короткое эхо взмахов крыльев еще какое-то время гудело в небе, словно насмешка.

Марат уныло поплелся обратно в свое жилище, ставшее еще более убогим и пустым. Он сел на кровать, долго смотрел в одну точку и наконец пробормотал:

– Никогда... никогда больше не буду связываться с драконами.

С той поры гоблин Марат остался без золота, но, к удивлению леса, стал еще злее. Он по-прежнему делал гадости, только теперь – из чистого принципа, без всякой выгоды. А дракон долго летал по миру с тяжелым сейфом на спине, пока не понял, что золото – вещь бесполезная, и не сбросил его в самое глубокое болото.

Говорят, иногда по ночам из того болота доносится глухой звон монет, а Марат, услышав его, всегда чешет затылок и думает, что, возможно, самое большое зло в его жизни заключалось не в гадостях, а в жадности.

(13 ноября 2015 года, Элгт)

Посылка для гоблина

Как ни странно, у гоблина Марата имелись родственники, но связи с ними он не поддерживал. Не потому что ссорился – просто не видел смысла. Родственные чувства у гоблинов были слабыми, почти условными: каждый жил ради себя, своего зла, своей выгоды и своих привычек. Иногда они даже забывали имена друг друга, если те не приносили никакой пользы. Марат был уверен, что родственники ему завидуют, а значит – недостойны общения.

Тем удивительнее было получить посылку. От кузена Миши.

Миша жил «за границей» – так гоблины называли любые земли, где приходилось перелетать болота и терпеть солнечный свет дольше трёх минут. Про Мишу ходили слухи: мол, хитрый, любит экзотических тварей, часто экспериментирует и якшается с заморскими колдунами. Сам он был худой, с вытянутой мордой, всегда в странных плащах и с акцентом, который раздражал Марата.

– Ба-а-а... что это такое? – подозрительно буркнул Марат, осматривая коробку, обвязанную верёвками и заляпанную почтовыми печатями.

Коробка молчала. Это гоблину не понравилось, но ещё больше его задело, что кто-то осмелился что-то ему прислать без разрешения. Он сорвал крышку.

Внутри стояла клетка. А в клетке – огромный скорпион. Чёрный, блестящий, словно отполированный маслом, с толстыми сегментами панциря и жёлтыми глазами-бусинами. Хвост его изгибался дугой, жало подрагивало, сочась ядом. Клешни щёлкали нервно и зло. Скорпион метался по клетке, доедая корм – дохлых мух, тараканов и жучков, хрустя ими так, что Марату стало приятно слушать.

К клетке была приклеена записка: «Марат, это не простой скорпион, а особенный. Если у тебя проблема с идеями, как сделать кому-то гадость, засунь палец в клетку – и скорпион надумит тебя».

Гоблин довольно оскалился.

– Теперь у меня есть советчик, – сказал он пауку, выползшему из-под сейфа, набитого золотом. – Не то что ты, олух шерстяной. Это импортный скорпион. Умный. Он мне подскажет, как правильно делать плохое, понял?

Паук недовольно пошевелил лапами, пробормотал что-то сквозь клыки и спрятался обратно за сейф.

Марат же решил, что момент настал. Он сунул свой длинный, кривой, грязный палец между прутьями клетки.

Скорпион не раздумывал. Удар был молниеносным. Жало вонзилось, и палец тут же вздулся, покраснел, стал горячим и пульсирующим, будто в него накачивали расплавленный металл.

– Ай-ай-ай! – завопил Марат, подпрыгивая и хватаясь за руку. – Вот же негодяй этот Миша! Обманул меня!

Он запрыгал по комнате, сбивая табуреты, наступая на тараканов, воюя и ругаясь так, что паутина осыпалась со стен.

Но вдруг он замер.

В голове прояснилось. Мысли выстроились в чёткую, ясную, до сладости злобную схему. Идеи текли одна за другой: как, где, когда и кому навредить; какие слова сказать, какие заклинания применить, куда бить больнее. Яд скорпиона расползался по мозгу, разжигая фантазию, делая её остроумной, расчётливой и по-гоблински изошрённой.

– А-а-а... – протянул Марат и широко ухмыльнулся. – Вот оно...

Он выскочил из дома и помчался в город.

Там, на центральной площади, он прочёл заклинание. Воздух закрутился, небо потемнело, и возник смерч. Он сорвал крыши с домов, поднял телеги, вырвал двери и окна. Женщин и стариков, визжащих от ужаса, вихрь раскидал куда попало: кого – в реку, кого – на гору, кого – в пустыню, а кого – прямо на деревья.

Когда всё стихло, Марата уже и след простыл.

Горожане целую неделю разбирали завалы, чинили жилища и проклинали погоду, судьбу и злые ветра. Никому и в голову не пришло, что это дело рук гоблина из мрачного леса.

А Марат, вернувшись домой, довольно почесал опухший палец и посмотрел на клетку.

– Хороший подарок, – пробормотал он. – Очень хороший.

И скорпион в клетке тихо щёлкнул клешнями, словно соглашаясь.

– Хм, двоюродный братец не обманул, хорошую вещь мне прислал, – хмыкнул Марат, довольно качая ушами.

Обычно от кузена он получал лишь гадости – да и сам в долгу не оставался. Таковы были родственные отношения у гоблинов и троллей: никакой теплоты, никакой заботы, одно соперничество и мелкое вредительство. Однажды Миша подменил Марату мешок с золотом на мешок с гнилыми орехами, и тот неделю плевался шелухой. В другой раз Марат в ответ наложил на дом кузена заклятие вечной сырости, и у того сгнили все сапоги. Они считали это не ссорами, а вежливым обменом вниманием.

Через день Марату наскучило безделье, и ему показалось, что наступило время для новых гадостей. С удовольствием он снова просунул палец в клетку. Скорпион не заставил себя ждать – укус, жжение, пульсация. Получив свежую порцию яда под кожу, Марат, подпрыгивая от возбуждения, побежал воплощать очередной план.

Он прорыл каналы, отвёл реку, и город затопило мутной, холодной водой. Люди спасались как могли: кто на лодках, кто забравшись на башни и крыши, кто цепляясь за деревья. Марат сидел на холме, болтая ногами, и долго смеялся, наблюдая за суетой, криками и паникой. Этот смех был визгливый, с хрипотцой, от которого у него самого слезились глаза.

В третий раз он поджог пшеницу на полях, а заодно наслал болезни на скот. Коровы падали, овцы чахли, люди бродили голодные и злые. Марат хихикал, катаясь по земле от удовольствия. Это были самые приятные для него часы – когда где-то плохо, а ему хорошо.

В один особенно удачный вечер Марат решил, что пора братья за лесных зверей и птиц. Он снова позволил скорпиону укусить себя, а затем схватил тяжёлую дубинку и помчался к зарослям малины, где обычно кормился медведь. Тот был большой, бурый, с толстой шеей и добродушной мордой, весь перепачканный соком ягод.

Марат подкрался и начал дубасить его по голове.

Бум! Бум! Бум!

У косолапого тут же вскочили шишки на лбу.

– Эй, Марат, ты что делаешь?! – взревел медведь, оборачиваясь. – Ты с ума сошёл?!

– Это скорпион научил меня тебе гадость сделать, гы-гы-гы! – захихикал гоблин, продолжая махать дубинкой. – Очень хорошая мысль!

Эти слова вызвали у медведя настоящую ярость. Он ловко перехватил дубинку, сломал её надвое, словно сухую ветку, и отбросил в сторону. Потом схватил Марата за шкуру и вlepил ему такую затрещину, что гоблин отлетел метров на десять и с глухим стуком врезался лбом в ствол дуба. Перед глазами у него запорхали жёлтые птички, во рту появился вкус крови – он прикусил язык.

– Только появись ещё раз передо мной – разорву на части, проходимец! – ревел медведь.

Марат вскочил и бросился бежать. Он мчался так быстро, что его не смог бы догнать даже леопард, появись тот в лесу: ветки хлестали по морде, корни мелькали под ногами, дыхание свистело, но страх и злость гнали его вперёд.

Влетев в дом, гоблин схватил клетку и со всей силы швырнул её о стену. Раздался хруст – скорпиона размазало по камню, как повидло, тёмное и липкое.

– Этот Миша всё-таки негодяй, – бормотал Марат, натирая лоб кремом из болотной жижи и кишки жабы. – Дурацкую вещь мне прислал.

С тех пор Марат не принимал посылки ни от кого. Гадости делать он умел и без подсказок скорпионов, летучих вампиров, ядовитых гусениц и зелёных змей.

Потому что настоящий гоблин – он и сам знает, как сделать миру хуже.

(12 ноября 2015 года, Элгт)

Как гоблин Марат королем был

Гоблин Марат считался самым коварным и злым сказочным существом: нетерпимым к чужому мнению, не выносящим чистоту и порядок. Пыль, грязь и плесень были ему милее свежего воздуха, а хаос он почитал высшей формой гармонии. Делать гадости и мерзости людям, зверям и волшебникам было делом всей его жизни и, как он сам выражался, чести, хотя слово это здесь совсем неуместно. Марат придерживался иных моральных ценностей: он уважал хитрость, подлость и жадность, презирал сострадание, считал доброту слабостью, а справедливость – глупой выдумкой для тех, кто не умеет урвать свое. Если кому-то было плохо, значит, день прожит не зря.

Да, он умел колдовать, но, к счастью для мира, его сила оказывалась недостаточной, чтобы нанести по-настоящему существенный вред или получить нечто такое, что могло бы возвысить его над другими. Заклятия Марата чаще всего давали мелкий, но неприятный эффект: скисало молоко, путались мысли, ломались замки, начинался зуд. И всё же однажды шанс изменить свою судьбу ему представился.

День был гнусный: с неба лил мелкий, липкий дождь, туман стлался над землей, будто грязная вата, пахло тинной, прелыми листьями и застоявшейся водой. Капли стекали по кривым веткам, болото чавкало под ногами, воздух был тяжелым и влажным. Для любого другого существа это была бы мерзкая погода, но для Марата – самая прекрасная.

Вечером он ел пойманных в болоте лягушек. Он любил есть их свежими, то есть живыми: хруст косточек, судорожные движения и последний квак приносили ему особое, почти торжественное удовольствие. Он сжимал добычу холодными пальцами, наслаждаясь тем, как она дергается и пытается вырваться.

И вот одна лягушка оказалась необычной. Она была ярко-зеленой, с золотистыми пятнышками на спине, глаза её блестели умом, а кожа отливала слабым перламутром. Даже в лапах гоблина она держалась с достоинством и не визжала, как остальные.

– Оставь меня в живых, Марат, ква-ква. Я исполню твое желание!

Гоблин, держа её за одну ножку, с недоумением уставился на зелёное водоплавающее создание.

– Ты что, жаба, тут квакаешь?

– Я не жаба, ква-ква, а лягушка-волшебница Квакунья! – с гордостью ответила та. – По правилу, если кто-то пленяет меня, то в качестве выкупа я должна исполнить любое его желание. Отпусти меня – и твое желание исполнится!

Марат задумался. Конечно, наколдовать всякую чепуху он и сам может, но здесь предлагали нечто иное. Он слышал, что среди животных встречаются могучие маги, способные на куда большее, чем такие, как он. А вдруг эта лягушка и впрямь может то, чего ему никогда не достичь? Почему бы не воспользоваться случаем?

– Ладно, уговорила, – прокряхтел гоблин.

Он бросил её на камень и уставился большими злыми глазами.

Лягушка встрепенулась, выпрямилась и деловито сказала:

– Так, чего хочешь?

– Подожди-ка, я ещё не придумал... – перебил её Марат.

И он задумался. Золота? Хорошая мысль, но сколько золотых монеток может дать одна лягушка? А если попросить уважения и почёта, чтобы любой встречный кланялся ему в ноги и целовал рваные башмаки? Или новый дом и хорошую одежду вместо гнилой лачуги и костюма из лоскутков? Или слуг и рабов, которые вечно исполняли бы его желания?

Мысли метались, жадность скребла изнутри, словно когтями. Хотелось всего сразу, и от этого становилось почти больно. Лоб Марата наморщился, уши подрагивали, он злился на самую идею выбора. Одно желание – и столько возможностей! Как не прогадать? Как запихнуть всё в одну формулировку, чтобы не упустить ни крошки выгоды? Он скрежетал зубами, шептал себе под нос, представляя, как лишается то одного, то другого, и от этих мысленных потерь его трясло сильнее, чем от болотного холода.

Идея пришла неожиданно – резкая, жадная и, как показалось Марату, совершенно правильная.

– Я хочу стать королём всей страны! – выпалил он.

И тут же воображение понесло его вперёд: он увидел себя в тяжёлой золотой короне, усыпанной камнями, с высоким тронном под спиной, резные подлокотники которого были сделаны в форме когтей. Он восседал над всеми, а подданные ползали у подножия, боясь поднять глаза. Его имя произносили шёпотом, с трепетом и страхом, и это наполняло его сладким чувством власти.

Квакунья опешила.

– Королём? Марат, какой из тебя король? Ты тупой и мерзкий, злой и вредный – такими короли быть не могут! Тебе сначала нужно измениться, стать порядочным, добрым!

– А я вот хочу быть таким! И не собираюсь меняться! – сердито произнёс гоблин и топнул ногой. – Исполни это желание, а то я сожру тебя!

Квакунья тяжело вздохнула. В её глазах мелькнула тревога. Она прошептала заклинание. Воздух сгустился, вспыхнуло зеленоватое пламя, земля закружилась, будто болото вскипело. Мир разорвался на куски, звуки вытянулись в вой, свет и тьма смешались, и всё понеслось, завертелось, рассыпаясь искрами.

...И Марат оказался во дворце.

Он сидел на высоком троне, обитом багряным бархатом. На нём был роскошный наряд: тяжёлая мантия с золотой вышивкой, дорогие сапоги, на шее – цепь с огромным самоцветом. Вокруг суетились придворные, кланялись слуги, в ряд стояли рабы с опущенными головами, а у стен – суровая стража в блестящих доспехах. По залу тянулись сундуки, доверху набитые золотыми и серебряными монетами, диадемами, сапфирами и изумрудами. Повара несли подносы с яствами – мясо, соусы, вина – их аромат кружил голову. Полукругом стояли поэты, звездочёты и льстецы, наперебой восхваляя Марата, называя его самым умным, прозорливым и мудрым правителем, каких только знала эта страна.

– О-о-о... это то, чего я хотел больше всего! – воскликнул Марат.

И стал он королём.

Дни его текли одинаково: он ел до отвала, спал на мягких перинах, слушал лесть, пересчитывал монеты, бил слуг за малейшую провинность, плевался на придворных чиновников, грозил стереть врагов в порошок. Он подписывал указы о повышении налогов, о бесплатной работе на него, короля-гоблина, о молитвах в свой адрес, о строительстве памятников себе в каждом городе и деревне, о публикации хвалебных статей и восторженных отзывов. Он требовал докладов о том, что народ его обожает и с радостью несёт деньги. А тех, кто пытался говорить о проблемах, опасностях и недовольстве, он сажал в тюрьму, уверенный, что это завистники и лжецы.

Прошёл месяц, другой. Чиновники исполняли приказы, но Марат стал замечать, что сундуки пустеют, а во дворце всё тише. Однажды утром он проснулся – и никто не принёс ему завтрак. Никто не одел его, никто не прочёл стихов о его величии, никто не пожелал доброго утра. Холодный зал отозвался эхом его шагов, а пыль медленно оседала на ковры.

Разъярённый гоблин носился по дворцу – он был пуст. Ни чиновников, ни поваров, ни охраны. Тогда он выбежал в город – улицы оказались безлюдны. Он щёлкнул пальцами и перенёсся в другой город – и там не встретил ни одной живой души. Повсюду он видел одно и

то же: покосившиеся дома, разрушенные мосты, заросшие бурьяном поля, брошенные лавки и фабрики. Окна смотрели пустыми глазницами, двери скрипели от ветра, а над всем висела гнетущая тишина.

Куда бы ни отправлялся Марат, картина была одинаковой. В его королевстве не осталось ни одной живой души.

И он заметил, что развешанные повсюду плакаты и картины с его изображением были разорваны или сожжены. На некоторых ему подрисовывали рога, кривые клыки и писали углём и краской: «Дурак!» или «Нам не нужен деспот-гоблин!» Было ясно – народ не просто разочаровался, он презирал своего правителя.

– Я один!.. – наконец дошло до Марата. – Но почему? Что случилось?!

И понял он всё совсем неправильно.

Во всём он обвинил Квакунью: мол, обманула его, подсунула королевство без нормальных подданных. В ярости он щёлкнул пальцами и перенёсся в болото, вызвав лягушку-волшебницу.

– Чего тебе, Марат? – удивилась та, увидев гоблина, сидящего на камне с перекошенной от злобы мордой.

– Ты провела меня вокруг носа, обманула! – орал Марат, брызгая слюной. – У меня нет слуг и охраны, перестали поступать деньги, и никто не молится за меня!

– Марат, я же сказала, что короли должны быть другими, – нахмурилась Квакунья. – Нужно быть умным, внимательным, любить свой народ и защищать его. А ты хотел, чтобы любили только тебя и работали только на тебя. Вот люди и ушли из твоего королевства. Теперь ты король без короны.

– Нет! Измени ситуацию! Верни подданных и пускай они продолжают работать на меня! – требовал гоблин, топая ногами.

– Я предупреждала: я исполняю только одно желание, – спокойно ответила лягушка.

– Исполни ещё одно, а то я тебя сожру! – взвизгнул Марат и даже вытащил вилку.

Тут лягушка-волшебница по-настоящему разозлилась.

– Придётся проучить тебя! Ты так и не понял, что я волшебница, а не твоя служанка!

Она произнесла заклинание особой силы. Воздух сгустился, болото затихло, и в ту же секунду гоблин застыл, превратившись в каменный истукан. По велению Квакунии его перенесло в город, и он встал посреди площади – с перекошенным лицом, жадно вытянутыми руками и злобным взглядом.

Это был памятник невежеству, лицемерию и гнусности – всему тому, что олицетворял собой гоблин Марат.

Когда люди вернулись в королевство, они не разрушили этот памятник. Они оставили его стоять. Проходя мимо, взрослые останавливались и рассказывали детям, что бывает с теми, кто жаждет власти ради собственной жадности и презирает других. И каждый ребёнок знал: нужно сделать всё, чтобы такие короли никогда больше не правили,

а такие жуткие создания никогда не становились королями.

И если ночью на площади слышался скрип камня – говорили, что это Марат всё ещё злится,

но даже теперь не понимает, в чём был неправ.

(14 ноября 2015 год, Элгт)

Магическое кольцо Марата

Гоблина Марата трудно было назвать красавцем. Скорее наоборот – его внешний вид вызывал у всех стойкое желание отвернуться и побыстрее уйти. Огромный кривой нос нависал над губастым ртом, словно клюв хищной птицы, а маленькие выпученные глаза, похожие на крабы, беспокойно бегали из стороны в сторону. Кожа у него была бугристой, покрытой папилломами и зелёными пятнами, будто кто-то нарочно испортил болотную глину. Ноги у Марата кривились, как старые корни, а короткие руки торчали по бокам и напоминали грабли – такими удобно было хватать чужое, но не вызывать симпатию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.